

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

Богородице-рождественской церкви с. Несетерово Орехово-Зыевского р-на Московской обл. т. 416-07-31

Издаётся с ноября 2006 года

2019 год

Подлинность и достоверность Евангелий

Из книги Гладкова Бориса Ильича «Толкование Евангелия»

Гладков Борис Ильич: — (1847–1921), русский православный духовный писатель и общественный деятель.

«Толкование Евангелия» Б. И. Гладкова высоко ценил св. прав. Иоанн Кронштадтский. В наши дни архимандрит Кирилл (Павлов) рекомендовал этот труд своим духовным чадам для изучения и понимания основ христианской веры.

Отзыв святого праведного Иоанна Кронштадтского на книгу «Толкование Евангелия» Б. И. Гладкова

Января 18, 1903 г.

Возлюбленный о Христе брат Борис Ильич!

С величайшим интересом прочел я и ваше предисловие к высокопочтенному труду объяснения Евангелия, и отрывки объяснения. Прежнее время вашего заблуждения и состояние духовной неудовлетворенности и тоски по истине Божией послужили к удивительному изощрению вашего логического, философского ума и к очищению сердечного ока, к самой тонкой отчетливости и ясности в суждениях и предметах, касающихся веры. Я получил великое духовное удовлетворение при чтении вашего объяснения.

***Ваш искренний почитатель
протоиерей Иоанн Сергиев***

Предисловие к первому изданию

Пытливый ум человека, желающего сознательно относиться к себе и к окружающему его миру, всегда задавался вопросами: откуда этот мир? Кто управляет им? Что такое человек? Зачем он живет и как должен жить?.. Но все попытки разрешить эти вопросы оканчивались и оканчиваются полной неудачей, и стремление к истине по-прежнему остается неудовлетворенным у всякого, кто за разрешением их не обращается к единственному источнику истины — учению Господа нашего Иисуса Христа.

Грустно, что многие из образованных людей нашего века, зная названия почти всех языческих богов и скандальные сказки об их любовных похождениях, зная жизнь и дела царей и философов Древних Греции и Рима, знакомясь с особенной любовью с плодами иностранной атеистической литературы, не знают Евангелия, не удосужатся сознательно прочесть его.

Как бы в оправдание своего невнимания и равнодушия к Евангелию такие люди нередко говорят, что в нем начертан лишь идеал, к которому надо стремиться, но идеал недостижимый, так как средства, предложенные для того, не по силам человеку, и что вообще многое в нем туманно, неудобопонятно.

Так говорящие люди или вовсе не читали Евангелия, или читали его поверхностно, невдумчиво; иначе они не стали бы повторять эти избитые фразы. Правда, вдумчивое, сознательное чтение Евангелий в том виде, как они написаны святыми евангелистами, требует от современного нам читателя немало времени и некоторой подготовки, и это объясняется тем, что:

1) ни одно из них не вмещает в себя полного изложения учения Иисуса Христа, которое во всем своем величии открывается лишь при дополнении одного Евангелия другим;

2) последовательность событий земной жизни Иисуса Христа, в особенности же времени Его проповеди и чудес, может быть выведена тоже лишь из совокупности всех четырех Евангелий, и

3) в Евангелиях, написанных более чем восемнадцать столетий назад, приводятся такие географические, исторические и бытовые особенности, которые в настоящее время для многих читателей становятся понятными лишь при надлежащих разъяснениях.

Поэтому весьма многие из желающих сознательно читать Евангелие не могут обойтись без толкований непонятных для них мест; люди же недосужные, действительно обремененные житейскими делами, особенно нуждаются в такой помощи, и помощь эта должна быть им оказана: ведь их-то, трудящихся и обремененных, и зовет к Себе Христос.

Толкований на Евангелия написано много, в древности и в последнее время, например: святым Иоанном Златоустом, блаженным Феофилактом, архиепископом Болгарским, Михаилом, епископом Курским, и др.; но их труды представляют из себя или подстрочные толкования каждого Евангелия в отдельности, или беседы на те же Евангелия, а потому, несмотря на выдающиеся достоинства свои, не дают читателю ни полноты учения Иисуса Христа, ни последовательности в изложении событий.

Имеются у нас и систематические изложения, и толкования жизни и учения Иисуса Христа, но в них жизнь и учение Христа переданы словами авторов этих сочинений, а не словами Евангелистов.

Все эти соображения побудили меня изложить в последовательном порядке, словами самих Евангелистов жизнь и учение Иисуса Христа и приложить к такому повествованию надлежащие объяснения.

Кто перестал верить в Бога сердцем, кто потерял детскую веру в Него, тот может вернуть ее только при помощи рассудка или свершившегося над ним чуда. Но так как неверующие в Бога едва ли достойны совершения над ними чуда отвергаемым ими Богом, то для них остается один только путь: умом дойти до веры в Бога.

Я говорю так по собственному опыту. В шестидесятых годах прошлого столетия, я сам, к сожалению, был увлечен распространившимся тогда среди образованных людей безбожием и много лет прожил атеистом. Потеряв веру в Бога, я чувствовал, однако, что для полноты разумной жизни мне чего-то не достает, что на месте исчезнувшей веры осталась какая-то пустота, что учения материалистов и эволюционистов не удовлетворяют меня, не дают осмысленного познания самого себя и окружающего меня мира. И эта пустота, эта казавшаяся мне бесцельность и бессмысленность жизни заставили меня, наконец, призадуматься и основательно познакомиться с Евангелием.

К стыду моему (да и моему ли только?), ни из гимназии, ни из университета я не вынес надлежащего знания религии, которую официально исповедовал. Поэтому, приступая к пополнению этого пробела, я рассуждал так: «Все свои познания о Боге и назначении человека христиане заимствуют из четырех Евангелий. Но что это за книги? Кто и когда их составил? Можно ли на них полагаться? Не подложны ли они?»

Неизбежность таких вопросов вынудила меня прежде всего узнать, действительно ли принятые христианами четыре Евангелия написаны теми лицами, имена которых носят?

Тщательное ознакомление с ответами на этот вопрос привело меня к убеждению, что Евангелия действительно написаны в первом столетии по Р. Х. апостолами Матфеем и Иоанном, учеником апостола Петра Марком и спутником апостола Павла Лукой.

Признав подлинность Евангелия, я задумался над другим вопросом: можно ли признать действительно совершившимся все, записанное в Евангелиях? Тщательное исследование и этого вопроса привело меня к утвердительному ответу.

Тогда возник третий вопрос: можно ли считать Иисуса Христа только Человеком? И если Он не только Человек, то Кто же Он?

Для того, чтобы прямо подойти к разрешению этого вопроса, надо было прежде всего узнать, действительно ли Христос воскрес? Ответ на этот вопрос должен был разрешить мне много других вопросов. Рассмотрев все доводы «за» и «против» Воскресения Его, я убедился в том, что Он действительно умер и воистину воскрес.

А если Он воскрес, если собственной властью воскрешал умерших и совершал заочные исцеления умирающих, если слову Его повиновались бури и волны морские, то следует признать, что Он обладал сверхъестественной силой, был вне законов природы, господствовал над ними, а не подчинялся им, и потому не мог быть только Человеком.

Если, к тому же, вся жизнь Его доказывает, что Он был безгрешен, если заклятые враги Его, книжники и фарисеи, вынуждены были безмолвствовать, когда Он всенародно спросил их — *«Кто из вас обличит Меня в неправде?»* (Ин 8: 46) — то, значит, Он не мог говорить неправду.

Признав, что Иисус Христос не мог сознательно говорить неправду, я должен был признать, что Он не мог и заблуждаться, так как заблуждение есть следствие легкомысленного отношения к исследованию истины, легкомыслие же несвойственно Ему.

А если Он не мог сознательно говорить неправду, не мог и заблуждаться, то как же Он мог узнать все то, о чем говорил?

А говорил Он, что человек бессмертен, что кратковременная, земная жизнь его есть только приготовление к жизни вечной, что за дела, совершенные людьми здесь, на земле, будет воздаяние на окончательном суде, что все когда-либо жившие люди будут тогда воскрешены и, соответственно прожитой жизни, одни будут блаженствовать в Царстве Небесном, а другие страдать, что для достижения блаженства в Царстве Небесном необходимо творить волю Божию, что Бог как беспредельное Добро и Любовь требует от нас любви к Нему и ко всем людям, что мы должны поступать со всеми людьми так, как желали бы, чтобы и с нами поступали другие, и т. д.

Но все это — тайны, открыть которые своими силами не мог ни один человек, как бы гениален он ни был. Они не могли быть известны и Христу как Человеку. Объявляя их людям как волю Отца Своего, пославшего Его в мир, Он говорил: *«Пославший Меня есть истинен, и что Я слышал от Него, то и говорю миру»* (Ин. 8: 26); а в прощальной беседе с апостолами сказал: *«Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам»* (Ин. 14: 11).

Итак, Иисус говорит, что все, чему учил Он, поведал Ему Сам Бог, и что как Он в Боге, так и Бог в Нем.

Дойдя, таким образом, до недоступного уму человека, я думал так: «Иисусу Христу, как Свидетелю истины, можно или вполне верить, или совсем не верить; середины не может быть. Но так как безусловно правдивого во всем, безгрешного и всемогущего, воскресшего и вознесшегося Иисуса нельзя считать недостоверным Свидетелем, нельзя считать только Человеком, то остается один только исход: верить Ему безусловно во всем, а следовательно верить, что Он в Боге и Бог в Нем, то есть что Он Богочеловек». И я поверил.

Тут окончился путь исследования, и я вступил в область давно утраченной мною веры; я пристал к тому тихому берегу, от которого был оторван волной атеизма; я познал смысл жиз-

ни; я нашел раскрытой ту дверь, в которую тщетно стучался; я понял глубочайший смысл слов — «*Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные... и найдете покой душам вашим*» (Мф. 11: 28–29). Я пришел ко Христу и нашел ответ на все мучившие меня вопросы, нашел и душевный покой.

Поэтому советую неверующим, сомневающимся и колеблющимся подойти к Господу нашему Иисусу Христу тем путем, каким я шел. Счастлив буду, если мой скромный труд поможет хоть одному из них вернуть утраченную или укрепить поколебавшуюся веру.

Введение

Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий (Ин. 20: 31)

Господь наш Иисус Христос^{*} проповедовал устно и Сам не написал ни одной книги. Его учение, некоторые из совершенных Им чудес и главнейшие события Его жизни записаны другими в четырех книгах, называемых Евангелиями, то есть (по-русски) Благовествованиями.

Почти исключительно из этих четырех Евангелий мы заимствуем все наши познания о жизни и учении Иисуса Христа. Но для того, чтобы знакомиться по этим книгам с Личностью Иисуса Христа и Его учением, надо предварительно убедиться в их подлинности и достоверности.

Подлинность Евангелий

Земная жизнь Иисуса Христа, совершенные Им чудеса, Его учение, смерть и Воскресение, а затем самоотверженная проповедь апостолов по всем странам известного тогда мира, — это такие, сами по себе, величайшие исторические события, о которых должны были много говорить и писать современники и последующие поколения.

Но были еще и особенные причины, вызвавшие внимание языческого мира к учению Христа. Евреи, распявшие Его и кричавшие перед тем Пилату: «*Кровь Его на нас и на детях наших*» (Мф. 27: 25), разослали (как о том свидетельствует Иустин Философ в своем «Разговоре с Трифоном-иудеем», гл. 108) по всей вселенной избранных мужей разглашать, что «*появилась безбожная и беззаконная ересь через какого-то Галилеянина Иисуса, которого мы распяли, но ученики Его ночью похитили Его из гроба, где Он был положен по снятии с креста, и обманывают людей, говоря, что Он воскрес из мертвых и вознесся на небо*».

Евреи, жившие тогда почти во всех городах обширнейшей Римской империи, помогали избранным мужам иудейским и, в свою очередь, разглашали самые нелепые слухи о христианах с целью выставить их в глазах равнодушных к вопросам веры язычников как опасных и зловредных сектантов.

Эти обвинения вызвали гонения на христиан и вынудили последних, с одной стороны, поддерживать своих слабых духом и неокрепших еще в вере собратьев посылкой им

---

^{*} Греческое слово «Иисус» (по-еврейски «Иешуа», сокращенное из «Иегошуа») означает «Спаситель». Греческое «Христос» и еврейское «Машиах» (Мессия) означают «Помазанный». Поэтому слова Христос и Мессия — однозначные и применялись к лицу обещанного евреям Избавителя или Примирителя. Еврейских царей и первосвященников помазывали елеем в знак ниспослания им особых даров Божиих, поэтому они назывались помазанными.

писем (посланий) утешения и увещания, с другой же стороны, защищаться, но только не оружием, а словом и пером, против клеветников и гонителей.

Вскоре и между христианами появились отступники от проповеданной апостолами веры; пришлось опровергать их лжеучения...

Словом, со второй половины первого столетия после Рождества Христова должно было появиться и действительно появилось множество письменных произведений по поводу недавно совершившихся необычайных событий. Эти-то сочинения должны быть рассматриваемы как письменные свидетельства их авторов, и чем они древнее, чем ближе к временам апостольским, тем драгоценнее для нашей цели.

К сожалению, ожесточенные гонители, предавая казни исповедовавших Христа, истребляли с ними и все отбираемые у них христианские книги; поэтому уцелело из них и дошло до нас немного. Да и из дошедших до нас немногих произведений писателей первых веков христианства можно принимать как свидетельства лишь те, которые признаны не возбуждающими ни малейшего сомнения в их подлинности и принадлежности тому самому писателю, имя которого они носят. Одни из этих писателей — непосредственные ученики апостолов, так называемые *мужья апостольские*, а также ученики мужей апостольских; другие — большей частью бывшие язычники, люди ученые, принявшие христианскую веру в зрелом возрасте; и, наконец, третьи — заклятые враги христиан.

Из сочинений непосредственных учеников апостолов сохранились послания: святого Варнавы, святого Климента Римского, святого Игнатия Богоносца и святого Поликарпа, а также отрывки сочинений Папия Иерапольского у Эгезиппа, Иринейя и др.

Варнава. В Деяниях апостолов говорится о Варнаве как о друге и сотруднике апостола Павла, имевшем при том общение и со всеми прочими апостолами. Послание его, по свидетельству Климента Александрийского (о котором будет сказано ниже), писавшего в конце второго столетия, признавалось подлинным апостольским посланием; написано оно, по мнению историков, в первом десятилетии после разрушения Иерусалима, то есть между 70 и 80 годами по Р. Х. В этом послании находятся два точных места из Евангелия от Матфея — «*Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию*» (Мф. 9: 13) и «*Много званых, а мало избранных*» (Мф. 22: 14), и одно место из Евангелия от Луки — «*Просящему у тебя давай*» (Лк. 6: 30). Приводя в своем послании слова Иисуса Христа «*много званых, а мало избранных*», Варнава добавил «*как написано*»^{*} и этим засвидетельствовал, что заимствовал их не из устного предания, а из письменного источника; а это свидетельство дает основание утверждать, что Варнаве были известны Евангелия от Матфея и Луки.

Выражение святого Варнавы «*как написано*», употребленное им в своем послании, истолковывалось противниками подлинности Евангелий как позднейшая вставка переводчика послания на латинский язык, но Тишендорфу удалось открыть древнейший греческий пергаментный список Библии (известный теперь под названием Синайского кодекса), в котором содержится *весь* греческий оригинальный текст послания Варнавы со словами «*как написано*», тогда как из древнего латинского перевода известны были лишь первые пять глав этого послания. Латинский перевод послания Варнавы сделан был с греческого текста, и если в древнейшем греческом тексте имеются (как это доказал Тишендорф) слова «*как написано*», то сама собой проваливается попытка противников подлинности Евангелий подорвать значение послания Варнавы как достоверного свидетель-

---

^{*} Гл. 4 послания; см. «Писание мужей апостольских». Пер. Преображенского, 1895 г.

ства (см. соч. Тишендорфа «Когда написаны наши Евангелия», напечатанное в журнале «Труды Киевской Духовной Академии» за 1865 г. Т. 3. С. 186).

Климент Римский был крещен из язычников апостолом Петром, который перед своей мученической смертью поставил его Епископом Рима; при Императоре Траяне* был сослан в Херсонес Таврический, на работы в каменоломнях, и затем казнен утоплением в море. Различные приписываемые ему сочинения, известные под общим названием «Климентин», признаются подложными, но против подлинности посланий его к Коринфянам сомнений не высказывается.

Во 2-м послании к Коринфянам, написанном около 95 года, приводя места из Евангелий от Матфея и Луки, он сопровождает их следующими словами: «*Говорит Писание*», или «*Говорит Господь в Евангелии*». Хотя Климент приводит в своих посланиях тексты Евангелий не буквально, но это не умаляет значения его указаний на существование в его время Евангелия.

Евсевий в своей «Истории Церкви» (3, 38) приписывает Клименту перевод с еврейского на греческий язык послания апостола Павла к евреям.

Игнатий Богоносец был епископом Антиохийским с 67 по 107 год по Р. Х. Евсевий и Иероним свидетельствуют, что он, вместе с Поликарпом и Папием, был учеником апостола Иоанна, а Иоанн Златоуст говорит, что он близко общался с апостолами, при них находился и епископскую власть получил непосредственно от них, сделавшись преемником апостола Петра в Антиохии (Свт. Иоанн Златоуст. «Творения». Т. 2. С. 633).

Во время гонения на христиан прибывшему в Антиохию Императору Траяну указали на Игнатия как на главного предводителя христиан и опору их веры. Траян потребовал, чтобы Игнатий отрекся от Христа и принес жертву языческим богам. Игнатий остался непоколебимым в вере, за что и приговорен был к смертной казни, отвезен для этого в Рим и там брошен был в цирке на съедение диким зверям для забавы нравственно одичавшего и озверелого народа.

Из его сочинений, дошедших до нас, учеными исследователями признаны подлинными семь посланий, написанных в 107 году, на пути следования в Рим на казнь.

В этих посланиях (см. «Послания святого Игнатия Богоносца», издание Казанской Духовной Академии. 1857 г.) святой Игнатий говорит о Евангелии как книге общеизвестной, противопоставляя ее пророкам и апостолам (то есть посланиям апостолов). Так:

а) в послании к Филадельфийцам из Трояды, в ст. 9, он говорит: «*Евангелие содержит нечто превосходнейшее, именно — пришествие Господа нашего Иисуса Христа, Его страдание и Воскресение. Ибо возлюбленные пророки предвозвестили о Нем, а Евангелие есть совершение...*»;

б) в послании к Смирнянам, в ст. 5, рассуждая о неверующих, он говорит: «*Их не убедили ни пророчества, ни закон Моисеев, и даже доселе не убеждают ни Евангелие, ни страдания каждого из нас*»; в ст. же 7 того же послания он дает совет «*удаляться таких людей, и ни наедине, ни в собрании не говорить о них, а внимать пророкам, особенно же Евангелию, в котором раскрыто для нас страдание Господа и несомненно доказано Его Воскресение*».

В своих посланиях, в подтверждение своих мнений, святой Игнатий нередко приводит дословно некоторые места из Евангелий; например:

а) в послании к Римлянам, в ст. 6, — «*Какая польза человеку, если весь мир приобретет, а душе повредит*» (Мф. 16: 26);

---

* Император Траян царствовал с 98 по 117 г. по Р. Х.

б) в послании к Поликарпу, в ст. 2, — *«Будь мудр, как змея, и прост, как голубь»* (Мф 10:16);

в) в послании к Смирнянам, в ст. 1, — *«Господь наш крестился от Иоанна, чтобы исполнить всякую правду»* (Мф. 3: 15);

г) в том же послании, ст. 3, — *«И когда Он пришел к бывшим с Петром, то сказал им: Осяжите Меня и рассмотрите (Лк. 24: 39), что Я не дух бестелесный».*

Семь посланий святого Игнатия дошли до нас в двух списках: пространном и сокращенном. Выше мы привели извлечения из сокращенного списка, но так как и пространный список принимался и принимается за подлинное послание святого Игнатия такими авторитетами, как святой Иоанн Златоуст, святой Григорий Двоеслов, святой Иоанн Дамаскин и К. Тишендорф, то продолжим извлечения из пространного списка посланий:

д) в послании к Римлянам, в ст. 3, — *«Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас...»* (Ин. 15: 19);

е) в послании к Ефесянам, в ст. 8, — *«Слово стало плотью»* (Ин. 1: 14); в том же послании, в ст. 5, — *«Не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем»* (Ин. 3: 36);

ж) в послании к Магнезийцам, в ст. 9, — *«Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне»* (Ин. 5: 46);

з) в том же послании, в ст. 6, — *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и ближнего твоего, как самого себя»* (Лк. 10: 27).

Не приводя дальнейших извлечений из посланий святого Игнатия, ограничимся лишь указанием на следующие места Евангелий, встречающиеся в этих посланиях:

— из Евангелия от Матфея: 1: 23; 4: 23; 5: 5, 45, 48; 8: 17; 9: 35; 12: 33, 40; 15: 13; 19: 12; 13: 43; 22: 40; 27: 52; 28: 19;

— из Евангелия от Марка: 11: 25;

— из Евангелия от Луки: 10: 16, 27; 14: 11; 14: 15; 17: 10; 18: 13, 14; 22: 31; 23: 34;

— из Евангелия от Иоанна: 2: 19; 3: 8; 5: 30; 8: 29, 46, 56, 58; 10: 11; 11: 25–26; 12: 32; 13: 34; 14: 6, 24; 16: 13–14; 17: 3–6, 11, 21; и 20: 25, 27–28.

Таким образом, послания эти доказывают, что во время составления их, то есть в 107 году по Р. Х., святому Игнатию были известны все четыре Евангелия; а так как он, до написания посланий, прослужил в Антиохии епископом сорок лет, то, конечно, знакомился с Евангелиями он не в 107 году, а гораздо ранее и, вернее всего, вслед за составлением их.

Поликарп, епископ Смирнский, ученик апостола Иоанна. Ученик святого Поликарпа, святой Ириней, епископ Лионский, в письме своем к Флорину так говорит о своем учителе: *«Я был еще отроком, когда видел тебя в Малой Азии у Поликарпа; я мог бы теперь изобразить место, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп, изобразить его походку, его образ жизни и внешний вид, его беседы к народу, как он рассказывал о своем обращении с Иоанном и с прочими самовидцами Господа, как он припоминал слова их и пересказывал, что слышал от них о Господе, Его учении и чудесах. Так как он слышал все от самовидцев жизни Слова, то все его сказания согласовались с Писанием»* (см. Евсевий. 4, 14).

Святой Поликарп был епископом Смирнским более сорока лет; сожжен на костре во время гонения на христиан при Марке Аврелии по требованию языческой черни, которой помогали евреи, таская дрова для костра, несмотря на то, что это случилось в субботу.

В послании к Филиппийцам, написанном вскоре после мученической смерти святого Игнатия, святой Поликарп приводит следующие места из Евангелий: от Матфея — 5: 3 и 10; 6: 13; 26: 41; от Марка — 14: 38; и от Луки — 6: 37–38. Хотя в послании этом и нет ссылок на Евангелие от Иоанна, но зато в нем приводятся слова из первого послания этого апостола (1 Ин. 4: 3), которое было написано им после Евангелия. Будучи же учеником апостола Иоанна и приводя в своем послании (единственном, сохранившемся из всех его сочинений) извлечения из соборного послания Иоанна, Поликарп, несомненно, должен был знать и его Евангелие (гл. 2 и 7 послания. См. «Писания мужей апостольских»).

Папий, епископ Иерапольский. Святой Ириней, епископ Лионский, в 5-й книге своей против ересей, в гл. 23 (см. соч. его в рус. пер. 1871 г.), говорит, что Папий был учеником Иоанна и товарищем Поликарпа и написал пять книг под названием «Изъяснение Господних изречений». Книги эти, однако, не сохранились; лишь отрывки из них приведены Евсевием в его «Истории Церкви» (3, 39). В этих книгах, судя по сохранившимся отрывкам, Папий говорит: 1) что *«Матфей записал беседы Господа на еврейском языке, а переводил их кто как мог»*; и 2) *«Марк, истолкователь Петра, с точностью написал все, что запомнил, хотя и не держался порядка слов и деяний Христовых, потому что сам не слушал Господа и не сопутствовал Ему. Впоследствии он был с Петром, но Петр излагал учение с целью удовлетворить нуждам слушателей, а не с тем, чтобы беседы Господни передать по порядку. Посему Марк нисколько не погрешил, описывая некоторые события так, как припоминал их: он заботился лишь о том, как бы не пропустить чего-либо слышанного или не переиначить»*. Он же приводит тексты из первого послания апостола Иоанна (см. Тишендорф. 221).

Ренан говорит, что если Поликарп и Папий, считающиеся учениками апостола Иоанна, не упоминают в своих сочинениях о его Евангелии, то, значит, в их время этого Евангелия не существовало. Это замечание имело бы существенное значение, если бы мы могли прочесть все сочинения Поликарпа и Папия, но так как из всех сочинений Папия до нас дошло только несколько отрывков, а из сочинений Поликарпа только его послание к Филиппийцам, то замечание Ренана теряет всякое значение. Очень может быть, что в затерянных для нас сочинениях этих мужей апостольских имелись заимствования и из Евангелия Иоанна; и в этом предположении нет ничего неправдоподобного, так как в сохранившихся произведениях их имеются дословные выписки из послания Иоанна, написанного им после написания им же Евангелия. Впрочем, новый отрывок из сочинений Папия, приведенный Томасием, свидетельствует, что Евангелие Иоанна было известно Папию (см. соч. Дидона «Иисус Христос». 1).

Писатели второй группы: святой Иустин Философ, святой Ириней, Тациан, Климент Александрийский, Афинагор Афинский, святой Феофил Антиохийский, Тертуллиан и Ориген.

Иустин Философ в сочинении своем «Разговор с Трифоном-иудеем» говорит, что, будучи еще язычником, изучил все философские системы того времени и особенно увлекался учением Платона, но все его знания не давали ему ответа на интересовавшие его вопросы о Боге, о душе, о ее бессмертии и пр., пока один старец (по преданию святой Поликарп) не рассказал ему об Иисусе Христе и пророках, предвещавших Его пришествие. Изучив, вследствие сего, пророчества и Евангелие, он только в них нашел единую истинную и полезную философию (см. сочинения Иустина в переводе Преображенского. 1892 г. С. 134–146).

Иустин крестился около 137 года по Р. Х. и стал странствовать по всей обширнейшей Римской империи, проповедуя христианскую веру, за это и за отказ принести жертву языческим богам был обезглавлен в период времени между 163 и 167 годами.

Святой Иустин Философ и мученик написал много сочинений, как о том свидетельствует историк Евсевий, но из немногих, дошедших до нас, признаны несомненно подлинными только две «Апологии» и «Разговор с Трифоном-иудеем». 1-я «Апология» была представлена Императору Антонину, а 2-я — Римскому Сенату, и обе написаны в защиту христиан и христианской веры от несправедливых обвинений и гонений со стороны язычников и евреев. Разговор с Трифоном-иудеем, то есть беседа ученого христианина с книжником иудейским, обнаруживает замечательное знание Иустином всех книг Ветхого Завета, Евангелий, Посланий апостолов и Апокалипсиса. В этом разговоре Иустин доказывает иудею, что ветхозаветные пророки предсказали пришествие Христа, и что Иисус, распятый при Пилате, есть именно тот самый Христос, о котором говорили пророки.

1-я «Апология» Иустина написана между 150 и 155 годами; в этой «Апологии» и в «Разговоре с Трифоном» приводится множество дословных выписок из всех четырех Евангелий, например:

а) в ст. 16 1-й «Апологии» — *«Вовсе не клянитесь. Но да будет слово ваше: да-да и нет-нет. А что сверх этого, то от лукавого»* (Мф. 5: 34, 37);

б) в «Разговоре», в ст. 76, — *«Сыну Человеческому должно много пострадать и быть отвержену книжниками и фарисеями, быть распяту и в третий день воскреснуть»* (Мк. 8: 31; Лк. 9: 22);

в) там же в ст. 17, — *«Дом Мой есть дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников»* (Лк. 19: 46);

г) в 1-й «Апологии», в ст. 61, — *«Если не родитесь снова, не войдете в Царство Небесное»* (Ин. 3: 3).

Вообще же в сочинениях Иустина имеется 127 текстов Евангельских, а именно: 88 из Евангелия от Матфея, 7 — Марка, 25 — Луки и 7 — Иоанна. Приводя тексты из Евангелий, святой Иустин нередко добавляет: *«Как сказано в памятных записях апостолов Его и их последователей»*, или: *«Апостолы в написанных ими сказаниях, которые называются Евангелиями, передали...»* («Разговор с Трифоном». Ст. 102–103; 1-я Апология. Ст. 66).

Таким образом, сочинения Иустина Философа свидетельствуют, что около 137 года по Р. Х. все четыре Евангелия были общеизвестными среди христиан священными книгами.

Иринея, епископ Лионский. В письме своем к Флорину, извлечение из которого приведено выше, святой Иринея называет себя учеником святого Поликарпа, ученика святого апостола Иоанна. Рождение Иринея относят к 130 году. Молодость он провел в Смирне, где ознакомился с сочинениями греческих поэтов и философов; в зрелом возрасте он был послан святым Поликарпом в Галлию (нынешнюю Францию) для распространения христианства; по смерти Лионского епископа Пофина, в 177 году, был избран преемником ему и умер в 202 году.

На долю святого Иринея выпала борьба (словом и пером) против ересей. Он написал много сочинений в защиту христианства, но дошло до нас только одно: «Обличение и опровержение лжеименного знания», известное более под названием «Пять книг против ересей» (см. пер. Преображенского 1871 года).

В этом сочинении имеются следующие свидетельства о Евангелиях:

1) В 3-й книге (гл. 1. С. 272–273) Иринея говорит: *«Об устройении нашего спасения мы узнали не через кого другого, а через тех, через которых дошло к нам Евангелие, которое они проповедовали устно, потом же, по воле Божией, передали нам в Писаниях. Так, Матфей издал у евреев на их собственном языке Писание Евангелия в то время, как Петр и Павел в Риме благовествовали и основали Церковь. После их отшествия Марк, ученик и истолкователь Петра, передал нам письменно то, что было проповедано Петром. И Лука, спутник Павла, изложил в книге проповеданное им Евангелие. Потом Иоанн, ученик Господа, возлежавший на Его груди, также издал Евангелие во время пребывания своего в Ефесе Азийском».*

2) Приводя в той же 3-й книге, в гл. 10–11 (с. 293–310), дословно из этих Евангелий все, относящееся к рождению Иоанна Предтечи, благовествованию Марии, рождению Иисуса Христа, встрече с Симеоном Иринея говорит: *«Таковы первые начала Евангелия. И столь велика достоверность этих Евангелий, что сами еретики воздают им свидетельство и, исходя от них, каждый из них старается подтвердить свое учение».*

3) Говоря о том, что еретик Маркион и его последователи, признавая Евангелие от Луки, сокращают его для своих целей, св. Иринея отстаивает авторитет Евангелистов в следующих выражениях: *«Апостолы просто и ни на кого не смотря преподавали всем то, чему они были научены от Господа. Так и Лука, ни на кого не смотря, передал нам то, что узнал от них, как сам свидетельствует, говоря: Как передали нам бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова (с. 340)».* *«Лука проповедовал вместе с Павлом, от него был назван возлюбленным (Кол. 4: 14), с ним благовествовал и им уполномочен передать нам Евангелие» (с. 339).*

В этом сочинении святого Иринея имеется такое множество дословных заимствований из Евангелий, что если бы приводить их здесь, то пришлось бы переписать большую часть всех четырех Евангелий.

Тациан, ученик святого Иустина Философа, живший во втором веке (умер около 175 г.), написал, по свидетельству Евсевия и Иеронима, очень много книг; но до нас дошла только его «Речь против эллинов», в которой он обличает безумие языческой религии и доказывает божественность Священного Писания (см. «Сочинения древних христианских апологетов». Пер. Преображенского. 1895 г.).

В этой «Речи» Тациан так говорит о своем обращении от язычества ко Христу: *«Я путешествовал по многим странам, сам занимался в качестве софиста вашими науками, изучал искусства и различные изобретения (ст. 35, с. 41). В то время, как ум мой рассматривал все лучшее, я напал на одни книги, которые древнее эллинских учений и столь божественны, что не могут быть сравниваемы с их заблуждениями; и я поверил этим книгам, по простоте их речи, безыскусственности писателей, удобопонятности объяснения всего творения, предвидению будущего, превосходству правил и, наконец, по учению об едином Властителе над всем (ст. 29, с. 36). Будучи просвещен познанием их, я решился отвергнуть языческие заблуждения, как детские бредни (ст. 30, с. 36); я распростился и с римским высокомерием, и с холодным афинским красноречием, и с различными учениями» (ст. 35, с. 41).*

В этой же своей речи против эллинов Тациан подробно излагает учение о Слове (ст. 5–7, с. 14–16), заимствуя многое из Евангелия от Иоанна, и приводит даже подлинные слова этого Евангелиста, например: *«Тьма не объяла света» (Ин. 1: 5) (ст. 13, с. 22), и: «Все Им сотворено и без Него ничего не сотворено» (Ин. 1: 3) (ст. 19, с. 29).*

Тациан примкнул впоследствии к секте энкратитов; в это время он, по свидетельству историка Евсевия (кн. 4, 30), составил свод четырех Евангелий, выпустив из них родословие Иисуса Христа и другие места, доказывающие происхождение Его по плоти от Давида. Этим сводом Евангелий, называемым диатессароном, пользовались не только последователи Тациана, но и православные христиане. Феодорит (†456 г.) нашел в церквях своего округа более 200 экземпляров диатессарона, отобрал их и заменил Евангелиями четырех Евангелистов.

Климент Александрийский, ученик Пантена, человек высшего по тому времени образования, незадолго до 200 г. сделался главой знаменитого Училища Александрии.

Из его многочисленных сочинений дошли до нас «Увещание к язычникам», «Педагог», «Смесь или Строматы» и «Кто из богатых спасется?»

В «Строматах» он так выражается о философии: *«Философия есть действительный образчик истины, божественный дар эллинам (с. 2). Господом дарована она эллинам прежде призвания их к вере, потому что и она вела их ко Христу, как евреев закон (с. 28). Философия ищет истину; истина же разумеется та, о которой Сам Господь сказал: «Я — истина» (с. 33). Впрочем, мы не просто всякую философию принимаем, а ту, которая признает Промысел и бессмертие (с. 97)».*

В том же сочинении он так говорит о своих учителях: *«Это сочинение есть сокровище воспоминаний на старость; в нем безыскусственно начертываются те сильные и одушевленные речи, какие удостоился слушать я, и некоторым образом живописуются блаженные мужи, действительно заслуживающие памяти... Эти люди, хранившие истинное предание блаженного учения непосредственно от святых апостолов — Петра, Иакова, Иоанна и Павла, ... даже до нас дожили, передавая нам эти семена прародителей и апостолов».*

Во всех своих дошедших до нас сочинениях Климент приводит многочисленные места из всех четырех Евангелий, как из таких книг, подлинность и истинность которых не подлежала ни малейшему сомнению, и упоминает при том имена самих Евангелистов.

Евсевий в своей «Истории Церкви» (4, 14) приводит следующее место из сочинений Климента «Начертания»: *«Из Евангелий прежде написаны те, которые содержат в себе родословие Иисуса Христа. Евангелие же Марка получило свое бытие так: когда Петр в Риме всенародно проповедовал Слово Божие и возвещал Евангелие по вдохновению от Духа Святого, тогда многие из бывших там просили Марка, давнего его спутника, помнившего все, сказанное им, написать, что он проповедовал. Марк написал Евангелие и передал его нуждавшимся. Узнав об этом, Петр явно и не противился этому делу, и не склонял к нему. А последний из Евангелистов, Иоанн, заметив, что в Евангелиях возвещено только о телесном, по убеждению ближних и по внушению Святого Духа написал Евангелие духовное».*

Афинагор, афинянин, языческий философ, живший во втором веке. Он намеревался писать против христианства, приступил для этого к чтению Священного Писания и сделался проповедником того учения, против которого восставал.

В 166 или 177 году он подал Императорам Марку Аврелию и Люцию Коммоду «Прошение о христианах», составляющее блестящую защиту христианства от несправедливых нападков на него и гонений (см. «Сочинения древних христианских апологетов». Пер. Преображенского. 1895 г.). Доказывая в этом прошении нравственное превосходство христиан над язычниками, он приводит подлинные слова Евангелий; например: из Евангелия от Матфея — 5: 28, 39, 44–46; 19: 9; из Евангелия от Луки — 6: 27–28, 32,

34, 39. А в одном месте своего «Прощения» (ст. 12, с. 65), приводя текст из Евангелия, он поясняет, что так говорит Писание, и тем доказывает, что текст этот заимствован им из написанной книги: *«Ибо если любите любящих вас, — говорит Писание, — и если взаимы даете тем, которые дают вам, какую награду будете иметь?»* (Лк. 6: 32, 34). Говоря о Боге Отце, Боге Сыне и Духе Святом (ст. 10, с. 62), Афинагор обнаруживает несомненное знакомство и с Евангелием от Иоанна.

Феофил, бывший епископом Антиохийским от 176 до 186 г., получил, как видно из его же сочинений, языческое воспитание и высшее по тому времени образование; в зрелом возрасте он познакомился со священными книгами христиан и уверовал в Иисуса Христа.

Он написал много сочинений и, между прочим, «Толкование на Евангелие», как о том свидетельствует Иероним; но дошли до нас только «Три книги к Автолику» (см. «Сочинения древних христианских апологетов». Изд. Преображенского). Во 2-й книге, в ст. 22, рассуждая о Боге и сотворении мира, он говорит: *«Посему нас учат священные писания и все духоносцы, из коих Иоанн говорит: В начале было Слово, и Слово было у Бога, показывая этими словами, что сперва был один только Бог и в Нем Слово. Потом он говорит: И Бог был Слово; все через Него сотворено и без Него ничто не сотворено»* (Ин. 1: 1–3). В 3-й книге, в ст. 13, он приводит следующее изречение Иисуса Христа, заимствуя его из Евангелия от Матфея (5: 28–32): *«Всякий, кто посмотрит на чужую жену с похотью, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. И кто женится на отпущенной мужем прелюбодействует; и кто разведется с женою, кроме вины блуда, подаст ей повод прелюбодействовать»*. В той же книге, в ст. 14: *«Евангелие говорит: Любите врагов ваших, и молитесь за оскорбляющих вас...»*

Словом, и святой Феофил свидетельствует, что в его время наши Евангелия почитались священными книгами как написанные Духоносцами.

Блаженный Иероним удостоверяет, что святой Феофил сам составил свод четырех Евангелий и написал Комментарий на Евангелие.

Тертуллиан родился в Карфагене около 145 г. по Р. Х. и умер, как полагают, около 220 года. Приняв христианскую веру, он стал ревностным защитником гонимых. Из его сочинений обращает на себя особенное внимание его знаменитая «Апология» или «Защита» христиан против язычников, написанная для правителей Римской Империи. Кроме того, до нас дошло еще много сочинений его, в том числе некоторые против ересей. В этих сочинениях Тертуллиан проявляет глубокое знание всех четырех Евангелий и приводит множество дословных выписок из них, а это приводит нас к заключению, что Четвероевангелие было его настольной книгой.

Ориген родился около 186 года. Христианин по рождению, он стал изучать Священное Писание с детского возраста под руководством своего отца, затем поступил в Александрийскую Школу и был учеником начальника Школы, Климента Александрийского; когда Климент вынужден был оставить Александрию, Ориген сделался его преемником.

Занимаясь истолкованием Священного Писания и преподаванием Богословия в Александрийской Школе, Ориген чувствовал необходимость в основательном знакомстве с философией и для этого посещал классы неоплатоника Аммония Сакка. В одном из своих писем он так выражается об этом: *«Когда я всецело посвятил себя делу провозглашения божественного учения, и слава моего искусства в нем начала распространяться, и слушать меня приходили иногда еретики, а иногда и люди, получившие образова-*

ние в греческой философии, то я считал необходимым исследовать мнения еретиков и то, что будто бы философы знают об истине... Я посетил многие места и повсюду искал тех, кто объявлял, что они знают что-либо».

Ориген написал множество сочинений, из которых для нашей цели особенно важны: «О началах», «Толкование на Евангелие от Иоанна», «Толкование на Евангелие от Матфея» и «Ответы Цельсу».

Сочинение «О началах» посвящено систематическому изложению христианской веры и содержит в себе много дословных выписок из всех четырех Евангелий.

«Толкование на Евангелие от Иоанна» и «Толкование на Евангелие от Матфея», по самому названию своему, свидетельствуют, что Евангелия эти во времена Оригена и ранее были общераспространенными Священными книгами, в подлинности которых никто не сомневался.

В своем «Толковании на Евангелие от Матфея» Ориген говорит: *«Мне известно, что первое Евангелие написано Матфеем, который был некогда мытарем, а потом апостолом Иисуса Христа, и что он написал его на еврейском языке для христиан, уверовавших из иудеев. Второе Евангелие — Марка, который написал его по сказаниям Петра. Третье за тем Евангелие — Луки, одобренное Павлом и написанное для уверовавших из язычников. Последнее же Евангелие — от Иоанна»* (Евсевий. «История Церкви». 6, 25).

Писатели третьей группы: еретики Василид, Карпократ, Валентин, Птоломей, Герраклион и Маркион, и язычник Цельс.

Василид жил в Александрии и стал известен около 125 года. Он составил 24 книги толкований на Евангелия; а что эти толкования были объяснением наших Евангелий, об этом, по мнению Тишендорфа, можно заключить из слов Агриппы Кастора, приводимых Евсевием, так как он утверждал, что Василид всю совокупность Евангелий принимал как одно целое. Это предположение подтверждается свидетельством Ипполита, что Василид буквально приводит выдержки из Евангелий Иоанна и Луки, применяя их сообразно своей системе. Он же указывает и на повествование Матфея о звезде, явившейся волхвам (Тишендорф «Когда написаны наши Евангелия»).

Карпократ, современник Василида. Излагая его учение и касаясь, между прочим, веры его в переселение душ, святой Ириной говорит, что он и его последователи основывались на следующих словах Иисуса Христа, заимствованных ими из Евангелия Матфея (5: 25 и 26) и Евангелия Луки (12: 58): *«Когда ты идешь с противником своим, то постарайся освободиться от него, чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не сверг тебя в темницу. Истинно говорю тебе: не выйдешь оттуда, пока не отдашь и последней полушки»* (Ириной. Кн. 1. Гл. 25, 4).

Валентин, родом египтянин, жил в Александрии, около 140 года прибыл в Рим, умер в 160 году. Он был основателем особой секты еретиков, известных под именем валентиниан. Стремясь к разрешению вопросов о происхождении Бога, мира и человека, добра и зла, Валентин многое заимствовал из древних религий востока и учений греческих философов и все это хотел примирить с христианством, но составил нелепейшую, туманно-фантастическую систему.

По мнению Тишендорфа, характеристической особенностью системы Валентина служит терминология, заимствованная из Евангелия Иоанна. *«В этом, — говорит Тишендорф, — видно столь неоспоримое отношение их, первой к последнему, что, при отрицании зависимости Валентина от Иоанна, остается только допустить зависимость*

последнего от первого. Понятно, что дерзость противников Евангелия Иоанна доходила до этой нелепой выдумки; в этом видна отчаянная борьба за любимое мнение, которому грозят уничтожением. Иринея говорит, что секта Валентина вполне пользовалась Евангелием Иоанна, выводя свое учение о первой огдоаде из первой главы Иоанна; это же, со своей стороны, подтверждает и Ипполит, удостоверяя, что Валентин употреблял известные изречения Господа из Евангелия от Иоанна. Кроме этих свидетельств о Евангелии Иоанна, нельзя также оставить без замечания, что Валентин пользовался и первыми тремя Евангелиями, так, например, Валентин узнает своего демиурга в капернаумском сотнике и изречением его (Мф. 8: 9) характеризует демиурга; умершую и воскрешенную дочь Иаира (Лк. 8: 41) он представляет чувственным образом своей Ахамифи; страдание и искупление двенадцатого эона представляет в истории женщины, двенадцать лет страдавшей кровотечением и исцеленной Господом. Нельзя представить более убедительного доказательства церковного авторитета Евангелий в первые десятилетия второго века, как этот странный способ, каким Валентин и его школа пытались обосновать столь фантастическую систему на простых словах Евангелий» (Тишендорф. «Когда написаны наши Евангелия»).

Птоломей, один из учеников Валентина, написал послание к «Флоре», вполне сохранившееся Епифанием; в нем, вместе с некоторыми цитатами из Евангелия Матфея, имеется одна и из Евангелия Иоанна (Тишендорф).

Гераклион, современник Валентина, написал целый комментарий на Евангелие Иоанна; Ориген сохранил этот комментарий во многих отрывках, из которых видно, как Гераклион пытался подкрепить свое учение Евангелием Иоанна (Тишендорф).

Маркион родился в начале второго столетия в Синопе, где отец его был епископом; был пресвитером Синопской Церкви и за ересь отлучен своим же отцом. По свидетельству святого Иринея, он искажал Евангелие Луки, устраняя из него все, что относится к рождению Иисуса Христа (Иринея. Кн. 1. Гл. 27, 2). А Тертуллиан приводит следующий отрывок из письма Маркиона, доказывающий, что он хорошо был знаком с Евангелиями Матфея и Луки: «Удалите от глаз моих, говорит он, это строгое повеление Кесаря (Лк. 2: 1) эту жалкую гостиницу, эти пелены, эти беспокойные ясли (Лк. 2: 7); это множество Ангелов да воздаст честь Господу своему и да не увлекается ночными призраками (Лк. 2: 13–14). Оставьте пастухов лучше при их стадах (Лк. 2: 8, 15–17). Пусть маги не трудятся предпринимать столь дальнего пути; богатство их пусть останется при них (Мф. 2: 1, 11). Да будет Ирод человеколюбивее, чтоб Иеремия не хвалился своим пророчеством (Мф. 2: 16–18). Не должно обрезать младенца, чтоб он не плакал (Лк. 2: 21). Не должно представлять его в храм, чтобы издержками на жертвоприношение не тяготить родителей. Не передавайте его в руки Симеона, чтобы дряхлый старик не уронил его. Заставьте молчать эту престарелую пророчицу, чтоб она не заколдовала младенца (Лк. 2: 22–38)». Приводя этот отрывок письма, Тертуллиан восклицает: «Вот какими умствованиями дерзнул ты, Маркион, устранить достоверные доказательства о человечестве Христовом!» (см. Творения Тертуллиана. Пер. Карнеева. Ч. 3. С. 2–3). Ввиду этого надо признать, что Маркион знал Евангелия Матфея и Луки.

Цельс — языческий философ времен Антонина и Марка Аврелия, написавший в середине второго века замечательное по ненависти ко Христу сочинение «Истинное слово».

Несмотря на страшные гонения, число христиан все более и более возрастало: ни костры, на которых массами сжигали их, ни дикие звери, пожиравшие их в цирках, не

остановили стремление ко Христу. Этот необъяснимый для гордых римлян успех Евангельской проповеди заставлял их призадуматься над дальнейшей судьбой могущественного Рима. Императору Марку Аврелию внушали, что христиане отказываются помогать ему в защите от врагов, что если так будет продолжаться, то скоро он останется один и государство сделается добычей варваров, и что для восстановления римской доблести и могущества Римской империи остается одно только средство — истребить всех христиан. Под влиянием таких наветов Марк Аврелий издал жестокий приказ, предписывавший разыскивать христиан и казнить их, а имущество их отдавать доносителям и сыщикам. Последствия этого зверского приказа были ужасны. Но философ Цельс злорадствовал, говоря: *«Демон христиан изгоняется из каждой страны, и посвященные ему скованными уводятся и привязываются к столбу, и демон этот или, как ты говоришь, Сын Божий не отмщает за себя»*.

Тот же Цельс, предчувствуя, однако, что казни и на этот раз не достигнут цели, счел нужным выступить против христиан с иным оружием, со своим сочинением «Истинное слово». Сочинение это не дошло до нас в полном своем составе, но известно по множеству дословных выписок из него в сохранившемся сочинении Оригена «Восемь книг против Цельса».

В своих нападках на христиан Цельс пользовался еврейской ненавистью к ним и всякой ложью, которую евреи распространяли про Иисуса Христа, но материал для нападений заимствовал из наших Евангелий.

«Несомненно, что он знал:

1) *Евангелие от Матфея, потому что говорит о всех происшествиях, описанных в первых двух главах этого Евангелия и обойденных молчанием прочими Евангелистами, как-то: о звезде, указывавшей путь волхвам, о путешествии их в Вифлеем, о дарах, принесенных ими новорожденному Мессии, о гонении Ирода, явлении Ангела Иосифу, пребывании Иисуса в Египте; он приводит многие места из Нагорной проповеди, рассказывает о призвании апостолов и выписывает самые слова Спасителя: "когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой" (Мф. 10: 23); упоминает о предательстве Иуды, отречении Петра, молитве Иисуса Христа в Гефсиманском саду — "Отче мой! если возможно, да минует Меня чаша сия" (Мф. 26: 39), о чаше с уксусом и желчью, поднесенной Спасителю во время Его страданий, о мраке и землетрясении во время Его смерти, и о многих происшествиях, как они описаны у Евангелиста Матфея;*

2) *Евангелие от Марка, потому что передает частный случай, основание которому мог позаимствовать только из этого Евангелия: он утверждал, будто воскресшего Спасителя видела лишь одна женщина и, притом, "испуганная и исступленная"; такое возражение он мог основывать разве только на одном месте Евангелия Марка: "Их объят трепет и ужас" (Мк. 16: 8);*

3) *Евангелие от Луки, потому что жалуется в одном месте на гордость генеологистов, которые возводят родословную Иисуса даже до Адама, — частности, принадлежащая исключительно одному Евангелисту Луке (3: 23–38), и*

4) *Евангелие от Иоанна, так как указывает на учение о Слове, которое есть Сын Божий, на то, что из пронзенного ребра распятого Спасителя истекла кровь и вода, называет Его светом и жизнью, — опять частности, которые находятся только у одного Евангелиста Иоанна» (из Сб. Барсова. 1, 51).*

Сам Цельс признавал, что пользовался нашими Евангелиями; Ориген приводит его слова: *«И это все мы заимствовали из ваших собственных писаний; мы не употребляем*

других свидетельств, потому что вы падаете на свой собственный меч». Но вместе с тем Ориген указывает, что Цельс приводит в своем сочинении много и такого, чего нет в Евангелиях; и это касается его богохульных свидетельств против Девы Марии, его истории детства Иисуса и пр.; на источник этих выдумок указывает сам Цельс, говоря: *«Я мог бы представить многое, что написано об Иисусе сообразно с истиной, но иначе, чем в писаниях учеников Иисуса...»* (Тишендорф).

Можно было бы привести сочинения и других писателей, но мы считаем достаточным свидетельства писателей первых двух веков.

Итак, в подлинности наших Евангелий убеждают нас свидетели глубокой древности: непосредственные ученики апостолов, языческие философы, обратившиеся ко Христу, и заклятые враги Его.

Свидетели эти не знали, о чем их будут спрашивать через 17–18 веков, и потому-то оставленные ими письменные показания (сочинения) особенно ценны для нас.

Если бы Цельс, Маркион, Валентин, Василид и другие враги Христа сомневались в подлинности Евангелий, то, конечно, попытались бы доказывать основательность своих сомнений. Но так как в их произведениях нет даже и намеков на подобные попытки, то следует заключить, что они вынуждены были отвергнуть всякие сомнения и признать подлинность Евангелий, и вынуждены были поступить так, конечно, не по легкомыслию своему, а по всестороннему исследованию. А если бы они могли догадаться, что через много веков найдутся такие люди, которые станут отвергать подлинность наших Евангелий, то едва ли стали бы в своих сочинениях ссылаться на Евангелия, как на несомненные писания учеников Иисуса Христа, едва ли бы стали делать из них дословные заимствования, едва ли оставили бы такое оружие против неверующих!

А языческие ученые, сделавшиеся христианами, — философы Иустин, Тациан, Климент, Афинагор, Феофил, — неужели могли, в поисках истины, принять такие книги, в подлинности которых не удостоверились после тщательного исследования?

А непосредственные ученики апостолов, видевшие своими глазами составителей наших Евангелий, знавшие их лично, из их уст слышавшие то, что изложено в Евангелиях, и, быть может, списывавшие для себя Евангелия с рукописей самих Евангелистов, — неужели они могли приводить в своих посланиях дословные выписки не из тех Евангелий, которые, так сказать, при них написаны, а из каких-то других?

В правдивости показаний всех этих свидетелей, по отношению к рассматриваемому нами вопросу, сомнений быть не может. А если все они свидетельствуют, что признавали наши Евангелия подлинными, и признавали их таковыми не по вере только, но и по убеждению, и имели притом все способы к составлению такого убеждения, то мы не имеем никакого основания отвергать их свидетельства.

Признав, таким образом, подлинность наших канонических Евангелий, мы должны теперь точнее исследовать вопрос о времени написания их.

Если Цельс в своем сочинении, написанном в середине второго века, повторяя сказанное в наших Евангелиях, говорит, что все это заимствовал из писаний учеников Иисуса; если Иустин Философ в своей 1-й Апологии, написанной около 150 года, приводя тексты Евангелий, поясняет, что так *«передали апостолы в написанных ими сказаниях, которые называются Евангелиями»*; если Игнатий Богоносец, в посланиях своих 107 года, приводя множество дословных заимствований из всех четырех Евангелий, говорит, что *«Евангелие содержит пришествие Господа нашего Иисуса Христа, Его страдание и*

Воскресение...» то, основываясь на таких свидетельствах, мы должны признать, что все четыре Евангелия написаны в первом столетии.

Святой Иринеи в своем сочинении «Пять книг против ересей» свидетельствует, что сначала написал Евангелие Матфей, потом Марк, затем Лука и после уже Иоанн; он же удостоверяет, что Матфей написал Евангелие в то время, когда апостолы Петр и Павел благовествовали в Риме; что Марк, ученик и истолкователь Петра, передал письменно то, что было проповедано Петром; что Лука, спутник Павла, изложил в книге проповеданное апостолом Павлом Евангелие, и что Иоанн также написал Евангелие во время пребывания своего в Ефесе (Кн. 3. Гл. 1, 1).

Иринеи был, как сказано выше, учеником Поликарпа, а Поликарп — учеником апостола Иоанна; поэтому переданное Иринеем предание о времени и последовательности составления четырех Евангелий могло дойти к нему не иначе, как через Поликарпа, от самого апостола Иоанна.

Известно же, что апостолы Петр и Павел потерпели мученическую смерть в Риме в царствование Нерона, которое окончилось в 68 году; следовательно, Евангелие Матфея написано до 68 года.

По преданию, сохраненному Климентом Александрийским, апостол Матфей оставался в Иерусалиме до 15-го, а по преданию, записанному Евсевием, до 8-го года по Вознесении Иисуса Христа, и затем удалился на проповедь к другим народам; а так как, по свидетельству Папия, Иринея, Оригена, Иеронима и др., он написал свое Евангелие для евреев на еврейском языке, то надо полагать, что написал он его до отшествия своего к другим народам, то есть до 42–49 годов по Р. Х.

Евсевий Кессарийский в своей «Истории Церкви» (5, 10) передает сохранившееся до его времени (260–340 гг.) предание о том, что глава Александрийской Школы Пантен путешествовал в Индию для проповеди учения Иисуса Христа и нашел там у местных жителей копию написанного на еврейском языке Евангелия Матфея; он узнал там, что в Индии проповедовал апостол Варфоломей, который принес с собой и оставил там это Евангелие.

Евангелие, написанное Матфеем на еврейском языке, было вскоре переведено на общеупотребительный в то время греческий язык; еврейский подлинник потерял, и никто из древних писателей его не знал. Предполагают, что перевод сделан самим Матфеем.

Марк, спутник апостола Павла и затем Петра, после их мученической смерти в Риме переселился в Александрию и был там первым епископом; это обстоятельство, то есть продолжительное пребывание Марка в Александрии (о чем свидетельствует Евсевий), придает особую силу достоверности свидетельству жившего тоже в Александрии некоторое время спустя Климента Александрийского, до которого поэтому могло дойти верное предание о Марке. По рассказу Климента, сохраненному Евсевием, христиане, жившие в Риме, где Марк находился вместе с апостолом Петром, просили Марка записать для них устную проповедь Петра. Апостол Петр не препятствовал этому и не побуждал; он порадовался ревности римлян и, когда написано было Евангелие, всенародно одобрил написанное. *«И эта запись, — прибавляет Климент, — называется Евангелием Марка».* Таким образом, свидетельства Иринея и Климента заставляют нас признать, что Марк написал свое Евангелие ранее смерти апостола Петра, то есть до 68 года.

Лука оканчивает свою книгу Деяний апостольских известием о двухлетнем пребывании апостола Павла в Риме; около этого времени, то есть около 63 или 64 года, она и

была написана, так как если бы она была написана после, то в ней, несомненно, были бы описаны обстоятельства и последующей жизни апостола Павла. Эта книга есть продолжение Евангелия, о чем сам Лука свидетельствует в самом начале ее (Деян. 1: 1); следовательно, Евангелие от Луки написано ранее 63 года.

Апостол Иоанн сам свидетельствует в своем Апокалипсисе, что был на острове Патмос «за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа» (Откр 1: 9), то есть был сослан туда. Из начала 11 главы Апокалипсиса видно, что он написан до разрушения Иерусалима, то есть до 70 года, так как в этой главе говорится о храме, как еще стоящем. Климент Александрийский и Ориген говорят, что Иоанн был сослан тираном, не поясняя каким; но, имея в виду, что это могло случиться лишь до 70 года, надо признать, что Иоанн был сослан на остров Патмос в последний год царствования Нерона, то есть в 68 году, после смерти апостолов Петра и Павла. А так как Иоанн написал свое Евангелие после Апокалипсиса, то, несомненно, что оно написано после 68 года. По свидетельству Епифания, Иоанн написал Евангелие в глубокой старости, в царствование Домициана, которое, как известно, началось в 81 и окончилось в 96 году. Поэтому время написания Евангелия Иоанном надо отнести к восьмидесятым или началу девяностых годов первого столетия по Р. Х.

Относительно времени появления апостольских писаний надо заметить, что первые христиане несомненно нуждались в письменном изложении того учения, какое проповедовали им апостолы; несомненно также, что апостолы должны были удовлетворять эту потребность обращаемых ими ко Христу; и мы имеем доказательства, что апостольские писания собирались и распространялись при жизни их авторов. Апостол Павел в послании своем к Колоссянам (4: 16) писал: *«Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы»*. А апостол Петр во втором послании своем (3: 15–16) говорит: *«И долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания»*. Из этих слов апостола Петра видно, что ему был известен *сборник посланий Павла*, а также и другие *Писания*, вероятно, тоже апостольские. А из этого надо заключить, что собрание апостольских писаний было сделано в те времена, когда живы были авторы их и другие очевидцы и служители Слова, которые могли удостоверить подлинность их; а потому подложность какого-либо писания могла быть тотчас же обнаружена.

Достоверность Евангелий

Признав, таким образом, наши четыре канонические Евангелия подлинными, то есть действительно написанными теми самыми лицами, имена которых они носят, нам надо еще решить вопрос: достоверны ли эти писания? Можно ли относиться с доверием ко всему в них написанному? Можно ли признать, что в действительности все так и происходило, как в них написано, и все так и было сказано, как Евангелисты записали?

Но прежде, чем представить доказательства достоверности Евангелий, послушаем, что говорят об этом люди, не верующие в Иисуса Христа как Богочеловека.

Они вычеркивают из Евангелий все рассказы о чудесах, считая чудеса, как нарушения законов природы, невозможными, недопустимыми; они называют баснями евангель-

ские рассказы о рождении Иисуса и жизни Его до появления на Иордане; они отвергают, конечно, Его Воскресение и Вознесение и оставляют в Евангелиях только краткие, да и то искаженные ими сведения о замечательном Учителе из Назарета, Который будто бы был первоначально учеником Иоанна, а потом, когда Иоанн был взят под стражу, выступил с самостоятельным учением о нравственном возрождении народа еврейского. Но чтобы объяснить такой взгляд на евангельскую историю, они, и во главе их Давид Штраус (см. его соч. «Мифическая история Иисуса»), говорят, что вся история жизни Иисуса, в том виде, как она изложена в Евангелиях, развилась постепенно в воображении еврейского народа из предположения, что Иисус был Мессией. Ко времени жизни Иисуса евреи ждали явления Мессии, обещанного им Избавителя. Из произвольного, с большими натяжками, толкования ветхозаветных книг сложилось представление о том, каким именно должен быть Мессия; а воспоминания о замечательном Учителе из Назарета создали в народном воображении мысль о том, что именно этот Учитель и был ожидаемым Мессией. А раз такое представление создалось, то для составителей Евангелий нетрудно было, путем различных выдумок, подделок и перетасовок, подогнать к Иисусу и приладить все ветхозаветные предсказания о Мессии; словом, нетрудно было из преданий об Иисусе создать басню о Мессии. По народным понятиям Мессия должен был:

- быть Сыном Божиим,
- происходить из рода царя Давида,
- родиться в Вифлееме,
- быть, подобно Моисею (первому спасителю народа еврейского), преследуемым в детстве и чудесно спасенным,
- быть, подобно Давиду, призванным к мессианскому служению и помазанным пророком, каковым должен явиться ветхозаветный Илия,
- подобно народу израильскому, быть искушаемым в пустыне,
- подобно Моисею, поститься сорок дней, и т. д.

И вот, для того, чтобы в народном представлении создать из Иисуса Мессию, предание приписало Ему все, что отвечало народным идеалам об Избавителе, но чего на самом деле совсем и не было. Чтобы оправдать на Иисусе народное представление о Мессии как Сыне Божиим, фантазия составителей Евангелия Луки создает рассказ о явлении Марии Ангела, который прямо называет Ее будущего Сына Сыном Всевышнего, Сыном Божиим; а в рассказ о Крещении Иисуса, передаваемый первыми тремя Евангелистами, вводится вымысел о голосе Самого Бога, засвидетельствовавшем, что Сей есть Сын Его (Лк. 3: 22). Чтобы сделать Иисуса потомком царя Давида и, следовательно, заставить Его родиться в Вифлееме, городе Давидовом, автор третьего Евангелия воспользовался известной ему переписью, бывшей в правление Квириния Сирией; и хотя эта переписка была сделана более чем через десять лет после рождения Иисуса, но составитель Евангелия, нисколько не стесняясь этим, ведет Марию и Иосифа в Вифлеем записаться в списки с тем, чтобы там в это время родился Иисус. С той же целью составители первого и третьего Евангелий выдумывают родословную Иисуса, производя Его от Давида. Чтобы подделать сходство первоначального детства Иисуса с детством Моисея и осуществить на Иисусе пророчество волхва Валаама о восходящей звезде от Иакова, составитель первого Евангелия выдумал рассказ о волхвах, видевших звезду на востоке, о путешествии их в Иерусалим, поклонении их Младенцу Иисусу, бегстве Марии и Иосифа с Младенцем в Египет и возвращении их после смерти Ирода. Чтобы оправдать на Иисусе сходство Его с Моисеем, составители первых трех Евангелий уводят Иисуса в пустыню для со-

рокаднейшего поста. Чтобы придать Иисусу сверхъестественную силу, как Сыну Божию, народная фантазия не только приписала Ему совершение множества чудес, но даже воскресила Его после смерти и вознесла на небо. Словом, по мнению Штрауса, составители Евангелий, тщательно собирая все сказки о жизни Иисуса, нисколько не стеснялись в своих писаниях, чтобы подогнать дошедшее до них предание к еврейскому идеалу Мессии.

При дальнейшем последовательном изложении известных нам событий из жизни Иисуса Христа мы поговорим и о тех событиях, которые, по мнению Штрауса, созданы народной фантазией и разукрашены и систематизированы составителями Евангелий. Мы, конечно, коснемся вопроса и о том, возможно ли наших Евангелистов считать обманщиками, способными выдавать за истину созданные народной фантазией басни? Возможно ли подозревать их в умышленном искажении исторических фактов? Возможно ли считать их вообще способными говорить неправду? Теперь же займемся разбором основной мысли Штрауса.

В сознании еврейского народа выработалось представление о Мессии; и так как пришествия Его страстно желали и напряженно ожидали в то время все евреи, то нужен был только повод, чтобы эта идея Мессии отлилась в форму исторического рассказа о Нем как Царе Израилевом. Таким поводом было явление и учение гениального Равви, Иисуса, Которому и навязано воображением Его последователей все, чего требовало тогдашнее народное верование от своего Мессии.

Так говорит Штраус. Между тем, все содержание наших Евангелий, вся эта история, которую он называет умышленной подделкой под идею о Мессии, да и воззрения ученых раввинов того времени, изложенные в Талмуде, доказывают, что евреи тогда создали себе представление о Мессии совсем не такое, какое сквозит почти в каждой строке Евангелий. Между еврейскими понятиями о Мессии и Евангельским Иисусом нет ничего общего: это две личности, диаметрально противоположные. Мессия евреев должен был быть величественным земным царем-завоевателем, который освободит их от подчинения Риму, покорит им все народы земли и сделает их главой над этими народами. Между тем Иисус Христос, как описывают Его Евангелисты, говорил, что царство Его — *«не от мира сего»* (Ин. 18: 36), Он отклонил страстное желание чудесно насыщенной Им толпы провозгласить Его Царем; Он постоянно внушал Своим ученикам, что Ему предстоят страдания и смерть на кресте; Он не только не оправдывал каких-либо завоеваний, то есть насилий, но даже заповедал любить врагов и не противиться злему злом, а побеждать его добром. Спрашивается, могла ли народная фантазия олицетворить в страждущем и униженном Иисусе идею о величественном Мессии, покорителе евреям всех народов? Конечно, не могла. Потому-то народ и не признал Иисуса за Мессию; потому-то он и требовал Его казни как объявленного синедрионом лже-Мессии, не признанного даже пророком. Да и могло ли народное воззрение на Мессию, царству которого не будет конца, примириться с мыслью о возможности распятия Его на кресте? «Возможно ли распять того, кто будет царствовать вечно? Конечно, нет», — так рассуждали современные Иисусу евреи, и почти все (за исключением немногих друзей Его) отвернулись от Него.

Помимо этого, осуществление надежд Израиля на пришествие Мессии должно было начаться появлением ветхозаветного пророка Илии; однако Предтечу Иоанна, пришедшего в духе и силе Илии, синедрион не признал даже обыкновенным пророком. Хотя Иисус действительно родился в Вифлееме, но Его все считали уроженцем Назарета, из

которого (по народной поговорке) не может быть ничего доброго; следовательно, и в этом отношении с именем Иисуса Назарянина не могло быть связано представление о Мессии. Иисус постоянно нарушает закон о субботе, не соблюдает преданий старцев, основывает Царство не Мессии, а Божие и провозглашает новый закон; но это Царство и этот закон — конец мечтам евреев об их могуществе, конец и их закону. Наконец, что особенно оскорбляет вождей еврейского народа и служит для них величайшим соблазном, это наименование Иисусом Себя Сыном Божиим. Понятие о Сыне Божиим совсем не вязалось с представлением евреев о Мессии. Это-то и послужило главным пунктом обвинения Иисуса как в синедрионе, так и перед Пилатом.

Итак, следует признать, что между историческим Христом, каким Он изображается в Евангелиях, и представлениями современных Ему евреев о Мессии нет ничего общего; еврейские понятия о Мессии не укладываются в тот образ Христа, который начертан в Евангелии; и потому мнение Штрауса о том, что народное предание и составители Евангелий подделывали рассказы о событиях жизни Иисуса Христа для неперемного олицетворения во Христе мессианской идеи, оказывается плодом его собственной пылкой фантазии и желания его во что бы то ни стало и чем бы то ни было подтвердить свою личную идею об Иисусе Христе. Покончив, таким образом, с фантазией Штрауса о мифическом Иисусе, перейдем теперь к обсуждению и разрешению вопроса о достоверности наших Евангелий.

Евангелисты Матфей и Иоанн были непосредственными учениками (апостолами) и спутниками Иисуса Христа, свидетелями-очевидцами последних лет Его земной жизни, Его учения и совершенных Им чудес; Марк записал в своем Евангелии лишь то, что такой же свидетель-очевидец, апостол Петр, проповедовал об Иисусе Христе в Риме; а Лука исследовал все события земной жизни Иисуса Христа и в своем Евангелии представил тщательно проверенные сведения, добытые им не только от служителей Слова, апостолов, но и от других очевидцев.

Таким образом, Евангелия апостолов Матфея и Иоанна следует рассматривать как показания свидетелей-очевидцев, собственноручно ими же написанные; Евангелие Марка — как показание апостола Петра, тоже свидетеля-очевидца, записанное с его слов другим лицом и им же одобренное; а Евангелие Луки — как систематический сборник показаний апостолов и других очевидцев, поименно не названных, к числу которых, однако, несомненно, принадлежит и Пресвятая Дева Мария.

То обстоятельство, что составители трех Евангелий были свидетелями-очевидцами жизни Иисуса Христа, Его учения и чудес, доказывает, что они действительно сами видели и слышали то, о чем свидетельствуют. Но этого недостаточно для признания их показаний истинными: надо еще знать — как они видели и как слышали, потому что можно «видя — не видеть и слыша — не слышать», то есть можно вовсе не понимать виденное и слышанное или же понимать превратно.

При разрешении этого вопроса надо, прежде всего, иметь в виду, что почти все иудеи того времени ожидали Мессию в блеске земного величия, как великого царя-завоевателя, который покорит им все народы земли и будет царствовать вечно, и что таких понятий о Мессии не чужды были и апостолы. Сопровождая Иисуса Христа в Его путешествиях, присутствуя при совершении Им чудес и слушая Его учение, они под влиянием этих ложных понятий о Мессии все-таки ожидали, что Он, наконец, провозгласит Себя Царем, и потому долго не могли признать, что Царство Христа «не от мира сего». Несмотря на прямое объяснение им Иисусом Христом цели Своего пришествия на

землю, они много раз обнаруживали недостаточность веры в своего Учителя; а когда приблизился конец Его общественного служения на земле, когда повели Его на распятие, они сочли все потерянным и, под влиянием страха преследования со стороны врагов Христа, все, кроме Иоанна, разбежались. Только явление воскресшего Христа утвердило их в вере, да и то Фома, отсутствовавший при первом явлении, потребовал осязательных доказательств Воскресения Его*.

Таким образом, следует признать, что часто обнаруживаемое апостолами *маловерие* несомненно охраняло их от увлечений и заблуждений, давая, вместе с тем, полную возможность спокойно вдумываться во все виденное и слышанное. Такие поразительные чудеса, как воскрешения мертвых, всенародно совершенные Иисусом Христом, казалось, должны были произвести на апостолов сильнейшее впечатление, под давлением которого *маловерие* должно было уступить место *слепой вере*. Но апостолы дошли до *сознательной, а не слепой веры* в Иисуса Христа, и притом дошли до сознательной веры постепенно, имея полный простор для свободного и спокойного размышления; а эта-то постепенность перехода апостолов от маловерия к сознательной вере освобождает их, как свидетелей, от всяких подозрений в увлечении и неправильной передаче виденного и слышанного.

Дойдя до такой сознательной веры, они пошли во все страны известного тогда мира, везде открыто свидетельствовали о том, чему сами были очевидцами и чему учил их Христос. Скромные галилейские рыбаки не побоялись идти в неведомые страны возвещать религию любви, не остановились перед натиском врагов Христа, перед сопротивлением со стороны язычников, перед гонениями, истязаниями и даже мученической смертью; а это доказывает, что никакая сила не могла поколебать их сознательной, основанной на убеждении веры в воскресшего Христа.

Рассматривая показания апостолов как обыкновенных свидетелей, мы должны иметь в виду, что обыкновенному человеку свойственно скрывать или оправдывать свои дурные поступки, ошибки и заблуждения. Поэтому свидетели, вообще правдивые, вполне достоверные относительно событий, в которых лично не принимали никакого участия, а были только свидетелями (в буквальном смысле этого слова), нередко перестают быть правдивыми, как только речь заходит об их собственных деяниях: о своих ошибках и проступках они или вовсе умалчивают, или же, выходя из роли безличного повествователя, начинают говорить пристрастно, с явным намерением скрыть истину и изобразить себя в лучшем виде. Уклонение же свидетеля от истины по отношению к самому себе отчасти подрывает доверие и к прочим частям его показания.

Но апостолы говорят и о своих ошибках и грехах, ничуть не стараясь обелить себя, нисколько не скрывая своего *маловерия*, которое они так часто проявляли.

Услышав свидетельство Иоанна Крестителя об Иисусе, ученики его, Андрей и Иоанн, пошли за Иисусом и пробыли у него тот день; а потом Андрей говорит брату своему Симону: «*Мы нашли Мессию*» и приводит его к Иисусу (Ин. 1: 37–42). И после этого, после многих чудес, совершенных Иисусом, — после чудесного улова рыбы, вызвавшего восклицание Петра: «*Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный*» (Лк. 5: 8), после укрощения бури, — апостолы в страхе рассуждают: «*Кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?*» (Мк. 4: 41). После первого насыщения пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, после хождения Иисуса по морю и спасения утопавшего вследствие маловерия Петра, после сказанных Петром слов: «*Ты — Христос, Сын Бога*

---

* Утвердило Апостолов в вере, главным образом, сошествие на них Духа Святого.

живого», — те же апостолы, ввиду множества окружавшего Иисуса народа, которому нечего было есть, говорят: «Откуда мог бы кто взять здесь в пустыне хлебов, чтобы накормить их?» (Мк. 8: 4). Такое же маловерие обнаружено и в вопросе: «Как же книжники говорят, что Илии надлежит прийти прежде?» (Мф. 17: 10) и в просьбе: «Господи! Покажи нам Отца» (Ин. 14: 8), и в других случаях, перечислять которые нет надобности. И обо всем этом апостолы повествуют, не проявляя даже и намерения сколько-нибудь оправдать себя. Мало того, апостол Петр, проповедуя в Риме, говорил своим слушателям о своем троекратном отречении от Христа со всеми подробностями, записанными с его слов Евангелистом Марком (Мк. 14: 66–72). Апостолы не постеснялись признаться, что по взятии Иисуса под стражу все они разбежались (Мф. 26: 56; Мк. 14: 50).

Говорить же так откровенно и правдиво о своих сомнениях, заблуждениях и грехах могут только люди, для которых правда дороже своего личного я, дороже всего на свете, которые, притом, сознали свои ошибки и грехи и всенародно покаялись в них. А потому, если апостолы говорят правду, во всей ее наготе, даже о своих грехах, то следует признать, что они говорят такую же правду и о тех событиях, при которых были только свидетелями-очевидцами.

С другой стороны, особый характер достоверности приобретает показание свидетеля, относящегося с большой скромностью к своим хорошим поступкам, заслуживающим безусловной похвалы. Таким свидетелем, в особенности, мы должны считать апостола Иоанна; так, например, Евангелисты Матфей и Марк свидетельствуют, что все ученики Иисуса, оставив Его, разбежались; но сам Иоанн, не побоявшийся потом явиться на Голгофу, стоять у Креста и, по повелению Иисуса, принять на свое попечение Его Матерь, хотя и говорит об этом в своем Евангелии, но как в этом, так и в других случаях, не называет себя по имени, а ограничивается скромным указанием, что то был ученик Иисуса.

Итак, следует признать, что апостолы, письменные показания которых мы рассматриваем, действительно видели совершенные Иисусом Христом чудеса и слышали Его учение, вполне сознательно усвоили все виденное и слышанное, свои показания обо всем этом, а также о своих заблуждениях и грехах передали сначала устно, а затем изложили и письменно, и не отреклись от своих слов ни при истязаниях, ни даже на кресте; а такие свойства свидетелей придают безусловную достоверность их показаниям.

Все сказанное относится к Евангелиям Матфея, Марка и Иоанна, как к показаниям апостолов Матфея, Петра и Иоанна, свидетелей-очевидцев. Евангелист же Лука не принадлежал к числу апостолов и потому не был таким же, как они, очевидцем. Хотя предание причисляет Луку (как и Марка) к 70 ученикам Иисуса Христа и не сомневается в том, что он был одним из двух учеников, которым по дороге в Эммаус явился Иисус Христос после Своего Воскресения, однако сам Евангелист Лука об этом ничего не говорит; поэтому будем считать его только историком, собирателем тщательно исследованных сведений.

Называя свое Евангелие повествованием «*о совершенно известных... событиях*», записанных им так, как передали их «*бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова*», Евангелист Лука тем самым удостоверяет, что сообщенные им сведения составляют показания свидетелей, из которых одни были «*с самого начала очевидцами*», а другие — «*служителями Слова*», то есть апостолами.

К очевидцам, бывшим с самого начала, несомненно, надо причислить Пресвятую Деву Марию, так как только от Нее одной Лука мог узнать подробности явления Ей ан-

гела-благовестника, свидания ее с Елисаветой, путешествия Ее с Иосифом в Вифлеем, рождения Иисуса Христа, явления ангела пастухам, поклонения последних Божественному Младенцу, встречи с Симеоном и пребывания двенадцатилетнего Иисуса в Иерусалимском храме, а также, пожалуй, и подробности рождения Иоанна Предтечи. В этом убеждает нас сам Лука, оканчивающий повествование об этих событиях таким пояснением: *«И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем»* (Лк. 2: 51); выражение *«слова сии»* доказывает, что все изложенное выше, то есть вся первая глава Евангелия с 5-го стиха и 51-й стих второй главы, содержат в себе *«слова Матери Его»*, которые Она *«сохраняла в сердце Своем»*.

Все прочее, изложенное в Евангелии Луки, начиная с 3-й главы, передано ему, как он сам о том свидетельствует, *«служителями Слова»*, то есть апостолами. О достоверности показаний апостолов сказано выше, но о правильности передачи Евангелистом Лукой их показаний мы имеем возможность судить потому, что все Евангелие Луки впоследствии было рассмотрено апостолом Иоанном перед составлением им своего Евангелия. Составляя свое Евангелие, Иоанн имел под руками все три ранее написанные Евангелия; это доказывается не только преданием, но и содержанием самого Евангелия Иоанна. Он обошел молчанием события, подробно описанные другими Евангелистами, и со своей стороны описал только те события, которые или опущены первыми тремя Евангелистами, или недостаточно подробно ими изложены. Если бы Иоанн нашел Евангелие Луки неверным, то, конечно, исправил бы в своем Евангелии все его погрешности; но так как Иоанн, дополнив некоторые места всех трех Евангелий, оставил Евангелие Луки без исправления, то следует признать, что он считал это Евангелие истинным.

Помимо этого, вся деятельность Луки как спутника и соратника апостола Павла заставляет относиться к нему с полным уважением, устраняющим даже и тень недоверия.

Итак, личные качества апостолов Матфея, Петра и Иоанна, а также Евангелистов Марка и Луки, ручаются за достоверность всего ими рассказанного, и мы со спокойной совестью можем применить к апостолам и тем очевидцам, бывшим *«с самого начала»*, на которых ссылается Евангелист Лука, слова Евангелиста Иоанна: *«И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили»* (Ин. 19: 35).

Достоверность некоторых сказаний Евангелистов подтверждается, в главнейших чертах, и современными им языческими и иудейскими писателями.

Пилат донес римскому императору Тиверия о том, что Христос был распят и воскрес из мертвых, что об этом событии известно всем в Палестине, что Его почитают многие за Бога, и что сам Пилат слышал о Его чудесах. Тиверий, получив это донесение, велел римскому сенату включить Иисуса Христа в число богов. Об этом свидетельствуют Тертуллиан и Евсевий, причем Тертуллиан в своей «Апологии», обращаясь к правителям Рима, ссылается в подтверждение своих слов на документы, хранившиеся в их архивах: *«Справьтесь с вашими летописями!»*. Надо заметить, что Тертуллиан писал в то время, когда христианство считалось злой сектой, и потому едва ли он решился бы так смело сослаться на римские документы, если бы в них не было записано донесение Пилата. *«Справьтесь с вашими летописями, — говорил он, — и вы увидите, что я говорю правду!»* А что он действительно говорил правду о донесении Пилата, это подтверждается тем впечатлением, какое произвело это донесение на императора Тиверия: соглашаясь

признать божество Иисуса Христа, Тиверий не преследовал христиан^{*}, и в его правление христианство распространялось беспрепятственно в пределах Римской империи.

Тацит (язычник, римлянин, родился в 54 году по Р. Х.) занес в свою летопись (15, 44), что в правление Тиверия, при Понтии Пилате, Христос был казнен, что Христос — основатель христианской секты, быстро распространившейся по всей империи и вызвавшей против себя гонения Нерона.

Плиний Младший, современник Тацита, в письме своем к императору Траяну свидетельствует о быстром распространении христианства в Малой Азии, о нравственной чистоте и твердости христиан, несмотря на жестокие преследования, и о поклонении их Христу, как Богу.

В Талмуде, сборнике устных иудейских преданий и раввинских объяснений закона, во второй его части, называемой «Гемара», составленной в Палестине около 390 года по Р. Х., говорится о том, что Иисус Христос совершал чудеса, но чудеса те приписываются Талмудом действию злого духа. Талмуд относится вообще крайне враждебно к Иисусу Христу и, говоря о Нем, употребляет такие выражения: *«Да погибнет имя Его и да исчезнет память Его!»* При таком явном пристрастии Талмуда, лишаящем его значения достоверного исторического исследования, для нас важно свидетельство его о том, что Христос совершал чудеса. Если составители Талмуда, заклятые враги Христа, не решились отвергать факта совершения Им чудес, а только приписали их действию сатаны, то из этого надо вывести заключение, что совершение Иисусом Христом чудес — вне всякого сомнения.

Иосиф Флавий, иудейский историк, родившийся в 37 году по Р. Х., в своем сочинении «Иудейские древности» (кн. 18, гл. 3, отд. 3) так говорит об Иисусе Христе:

«Около этого времени жил Иисус, мудрый человек, если нельзя иначе назвать Его, как только человек: ибо Он совершил дела чудные, учил тех, которые с охотой приемлют истину. Он приобрел Себе много последователей, как из Иудеев, так и из язычников. Он был Мессия (Христос). Несмотря на крестную смерть, на которую Пилат, по требованию старейшин народа, осудил Его, первые ученики Его не оставили прежней к Нему любви. Он явился им живым три дня спустя после Своей смерти, как предсказали пророки об этом и о других чудесах Его жизни; и до сегодня последователи Его продолжают существовать под именем христиан, которое они имеют от Него».

Приведенное выше свидетельство Иосифа Флавия об Иисусе Христе находится во всех рукописях его сочинения и приводится историком Евсевием (кн. 1, гл. 11) без всякого сомнения в подлинности как несомненно принадлежащее Иосифу. Но новейшие критики-отрицатели признают это свидетельство, в настоящем его виде, подложным на том основании, что:

1) оно не упоминается ни одним из христианских писателей до Евсевия, как-то: Иустином Мучеником, Климентом Александрийским, Оригеном, Тертуллианом и другими; между тем, подобное свидетельство Иосифа Флавия было бы серьезным оружием в их руках при защите христианства от нападений язычников и евреев; и

2) что это свидетельство не согласуется с характером и верованием Иосифа, не принадлежавшего к числу христиан.

На это можно возразить:

---

^{*} Тертуллиан в своей «Апологии» (5) свидетельствует, что Тиверий не только не преследовал христиан, но даже угрожал смертной казнью всем доносителям на них.

1) много сочинений христианских писателей первых трех веков (до Евсевия) не дошло до нас; может быть, в этих-то затерянных сочинениях и содержались ссылки на Иосифа Флавия? Поэтому отвергать подлинность свидетельства Иосифа Флавия об Иисусе Христе на том основании, что в сохранившихся сочинениях христианских писателей о нем ничего не говорится, едва ли возможно;

2) Иосиф Флавий свидетельствует о таких событиях, в достоверности которых тогда никто не сомневался; а потому и защитникам христианства нечего было ссылаться в своих сочинениях на свидетельство Иосифа, получившее значение лишь теперь, ввиду нового похода со стороны атеистов на достоверность Евангелий; и

3) Иосиф Флавий, не будучи христианином, дал такое свидетельство об Иисусе Христе не потому, что уверовал в Него, как Мессию, а потому, что считал необходимым, как историк, внести в свою летопись общеизвестные факты.

Впрочем, отвергать всецело это свидетельство Иосифа не решается даже Ренан, потому что сознает, что умолчание Иосифа об Иисусе Христе было бы более неправдоподобным, чем это свидетельство. Вот почему он признает это свидетельство подлинным, но полагает, что христианская рука тронула некоторые места его, и потому считает, что вместо слов «Он был Мессия» следует читать «Он был назван Мессией». Делая такую ни на чем не основанную поправку, Ренан не замечает, что повторяет слова первосвященников Иудейских, говоривших Пилату: *«Не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский»* (Ин. 19: 21). Как будто такая перефразировка могла изменить сущность дела? Пусть Иосиф Флавий не признает Иисуса Христа Мессией; для нас достаточно свидетельства его о том, что Иисус *«был назван Мессией, совершил дела чудные и явился живым три дня спустя после Своей смерти»*.

В том же сочинении своем («Иудейские древности») Иосиф Флавий так говорит об Иоанне Крестителе: *«Некоторые иудеи видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны господина Бога за убиение Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивые чувства к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях, — учил Иоанн, — омовение будет угодно Господу Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения тела, тем более, что души их заранее успеют очиститься. Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души, то Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повлекло к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в оковах послан в Махерон и там казнен»* (кн. 18, гл. 5, отд. 3).

Не верующие в Бога говорят, что все в мире совершается по законам природы, нарушение которых невозможно, что чудеса, как нарушения этих законов, тоже невозможны, и что поэтому сказания Евангелистов о чудесах неправдоподобны.

Главнейшее из описанных Евангелистами чудес есть чудо Воскресения Иисуса Христа; поэтому, если может быть доказана действительность этого чуда, то тем самым будет доказана достоверность и остальных чудес, записанных Евангелистами.

Против действительности чуда Воскресения Иисуса Христа приводят обыкновенно три возражения:

1) ученики Иисуса украли Его тело и разгласили, что Он воскрес;

2) Иисус не умер на кресте, а был погребен мнимоумершим, затем ожил и явился Своим ученикам;

3) Иисус воскрес не в действительности, но лишь в воображении Его учеников.
Рассмотрим эти возражения по порядку.

Евангелист Матфей свидетельствует, что после погребения Иисуса Христа, на другой день, в субботу, пришли к Его гробу (пещере, высеченной в каменной скале) первосвященники и фарисеи, приложили к камню, которым заложен был вход в пещеру, печать и приставили стражу, дабы *«ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу, что Он воскрес из мертвых»* (Мф. 27: 64–66).

Принимая такие предосторожности, как прикладывание печати синедриона к камню и приставление стражи, они, конечно, предварительно удостоверились — в гробу ли тело Иисуса, не украдено ли оно Его учениками в предшествовавшую ночь; если бы тела уже в то время не было в гробу, то незачем было и стражу приставлять. Поэтому следует признать, что первосвященники и фарисеи тогда только успокоились, когда увидели тело Иисуса Христа лежащим в гробу; только тогда они приложили к камню печать, поставили стражу и удалились.

Из дальнейшего повествования Евангелиста Матфея мы знаем, что, когда Иисус Христос воскрес и стражники объявили о том первосвященникам, то *«сии, собравшись со старейшинами и сделав совещаение, довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. Они, взяв деньги, поступили, как научены были»* (Мф. 28: 11–15).

Вот как было дело. Чтобы лучше разобраться в нем, надо, прежде всего, узнать, какая стража стояла у гроба Господня.

Охранявших гроб Евангелист называет воинами (Мф. 28: 12); а так как служители храма и синедриона не были воинами, то следует признать, что охраняла гроб воинская стража. Но из каких воинов она состояла и кому была подчинена?

Некоторые толкователи Евангелия говорят, что стража была иудейская, состоявшая из воинов постоянного еврейского отряда, который, как народное войско, находился в подчинении синедриона и был вне всякой зависимости от римского правителя. В подтверждение этого приводят изречение Пилата: *«Имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете»* (Мф. 27: 65). «Если (говорят) Пилат сказал первосвященникам — *имеете стражу*, — то, значит, они действительно имели свою собственную стражу. Потому-то (говорят) и не предали суду воинов, охранявших гроб и согласившихся признаться, что на карауле спали». Воины эти были подчинены синедриону; и, конечно, синедрион, покупая у них такое согласие, не мог предать их суду за нарушение караульной службы.

Но если бы это было так, если бы синедрион действительно имел свой собственный воинский отряд, состоящий из преданных ему евреев и не подчиненный в служебном отношении Пилату, то зачем первосвященники и старейшины обещали воинам, охранявшим гроб Господень, свое заступничество перед Пилатом? Ведь они сами, без Пилата, могли освободить их от всякой ответственности. А если такое предстательство было обещано, то это означает, что охраняли гроб подчиненные Пилату римские воины. Им, действительно, угрожала бы большая ответственность, если бы Пилат узнал, что они спали на карауле все до единого. В римских войсках была строгая дисциплина, нарушение которой наказывалось беспощадно. Мы знаем, что когда апостол Петр был чудесным образом освобожден из темницы, то Ирод казнил воинов, карауливших его (Деян. 12:

19). Такой же казни подлежали и те воины, на дежурстве которых произошло бы похищение тела Иисуса. Однако, воинов, охранявших гроб Господень, не только не казнили, но даже не судили. Почему же их не судили? Ведь если они, исполняя поручение синедриона, разглашали, что спали на карауле и что в это время апостолы украли тело Иисуса, то слух о таком нарушении караульной службы должен был дойти до Пилата; и Пилат не мог оставить его без расследования; расследовав же, не мог оставить без наказания виновных; и, конечно, предстательство ненавистного Пилату синедриона не могло бы освободить от ответственности виновных воинов. А потому следует признать, что если этих воинов не судили, то на это были особые причины, о которых я скажу ниже.

Продолжая доказывать, что охраняли гроб Господень римские воины, спрошу еще: если бы синедрион имел свое собственное еврейское войско, то зачем же первосвященники ходили к Пилату и просили его, чтобы он приказал охранять гроб до третьего дня? Не лучше ли было бы, не унижаясь перед язычником, приказать воинам своей еврейской стражи охранять гроб, тем более что к своей страже первосвященники должны были относиться с большим доверием? Имея свой воинский отряд, первосвященники не обязаны были бы спрашивать у Пилата разрешения приставить часть отряда ко гробу. А если первосвященники просили Пилата, чтобы *он* приказал охранять, то это самое доказывает, что речь шла о страже из подчиненных Пилату римских воинов и что обратились первосвященники с такой просьбой к Пилату потому, что сами не имели никакого воинского отряда. Иосиф Флавий, еврейский историк первого века, удостоверяет, что на время Пасхи римские правители Иудеи посылали к храму Иерусалимскому особый отряд римских воинов для охранения порядка («Иудейские древности». Кн. 20. 1 л. 5). Этот отряд, если и не был подчинен в служебном отношении первосвященникам, все-таки должен был руководствоваться их указаниями и советами по охранению порядка, должен был помогать им. Но и при таких отношениях к этому отряду римских воинов первосвященники не могли поручить ему (или части его), без особого разрешения Пилата, охрану гроба Господня на такое продолжительное время, до третьего дня. Потому-то они, не имея собственного воинского отряда, пошли к Пилату просить, чтобы он приказал охранять гроб. Пилат не мог простить первосвященникам то насилие, какое они учинили над ним, заставив его предать смерти ни в чем не повинного Праведника (Мф. 27: 19). Он уже высказал им свое негодование, резко ответив на просьбу об изменении надписи на кресте: «*Что я написал, то написал*» (Ин. 19: 22). Так же резко ответил и теперь Пилат на просьбу приказать охранять гроб: «*Имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете*» (Мф. 27: 65). Говоря так, Пилат, конечно, подразумевал ту стражу из римских воинов, которая охраняла порядок при храме.

С другой стороны, если бы синедрион действительно имел свой еврейский отряд воинов, то несомненно, что воины этого же отряда были бы посланы синедрионом и в Гефсиманский сад взять Иисуса под стражу; и тысяченачальник, явившийся с воинами в этот сад (Ин. 18: 12) был бы тоже тысяченачальником того же еврейского войска. Но одно уже слово «тысяченачальник», то есть командующий тысячным отрядом воинов, доказывает всю неправдоподобность такого предположения. Евреи постоянно бунтовали против римской власти, особенно в дни своей пасхи; и потому нет ни малейшего основания предполагать, что римляне позволили им иметь в Иерусалиме свое собственное войско, да еще в таком значительном составе. Такой непростительной ошибки никогда не сделало бы римское правительство, умевшее держать в строгом подчинении покоренные народы.

Итак, самое присутствие тысяченачальника в том воинском отряде, который вел Иуда в Гефсиманский сад, доказывает, что и воины этого отряда, и сам тысяченачальник были из римского войска. А это, в свою очередь, доказывает, что если первосвященники не могли послать своих собственных воинов в Гефсиманский сад для исполнения наи-серьезнейшего, по их мнению, поручения, для осуществления заветной мечты своей, то, значит, у них и не было своего войска.

К тому же Евангелист Матфей, писавший свое Евангелие для евреев, назвал охранявшую гроб стражу по-римски *кустодией* (custodia), а не по-еврейски; и это дает основание утверждать, что стража была из римских воинов.

Все это в совокупности приводит к несомненному убеждению, что охраняли Гроб Господа римские воины.

Остается теперь дознать, как поступили в действительности те римские воины, которых первосвященники и старейшины уговорили поддержать придуманную ими басню о похищении тела Иисуса. Евангелист Матфей удостоверяет, что не все воины, охранявшие гроб Господень, а лишь *некоторые* из них, пришли к первосвященникам и объявили обо всем случившемся. Подкупая этих воинов, первосвященники и старейшины сказали им: «Скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали. И если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его и вас от неприятности избавим». Они, взяв деньги, «поступили, как научены были» (Мф. 28: 11, 15).

Итак, не все воины, караулившие гроб Господа, а лишь *некоторые* из них, подкупленные первосвященниками и старейшинами, поступили, как научены были. А научены они были *сказать*, что ученики Иисуса украли тело Его. Научены были сказать: кому? Конечно, не Пилату, который казнил бы их за это. А если не Пилату, то кому же? Распространять в народе слух о похищении тела Иисуса было бы для этих воинов весьма рискованно; к тому же о распространении этого слуха должны были позаботиться сами заинтересованные в том первосвященники; и они действительно позаботились об этом, но не сейчас, а несколько позднее. Следовательно, от подкупленных воинов требовалось не распространение нелепого слуха, а лишь негласное подтверждение его, если бы в этом встретилась надобность; требовалось лишь *сказать* тем, кто у них будет спрашивать об этом. Выражение Евангелиста «поступили, как научены были» еще не доказывает, что подкупленные воины на самом деле подтверждали слух о похищении тела Иисуса; выражение это скорее можно понять в том смысле, что подкупленные воины изъявили согласие поступить так, как учили первосвященники: их просили *сказать*, и они могли ответить: «Хорошо, скажем». Но, давая такой ответ, воины эти прекрасно понимали, что просьба первосвященников неисполнима, так как, исполняя ее, они должны сознаться в совершении тяжкого воинского преступления и подвергнуться за него смертной казни. Поэтому следует признать, что воины эти, хотя и взяли от первосвященников деньги и надавали им много обещаний, но слуха о похищении тела Иисуса не только не распространяли, но даже и не поддерживали опасным для них же лжесвидетельством.

Что сами первосвященники первое время не распространяли слуха о похищении тела Иисуса, и что, вследствие этого, подкупленным воинам не пришлось подтверждать его, это видно из книги «Деяния апостолов», написанной Евангелистом Лукой. В этой книге ничего не говорится об этом слухе. Значительно позже, когда проповедь апостолов привлекала ко Христу множество людей во всех странах известного тогда мира, первосвященники (как удостоверяет Иустин Философ в своем «Разговоре с Трифоном-иудеем», гл. 108), «разослали по всей вселенной избранных мужей (конечно, евреев)

разглашать, что появилась безбожная и беззаконная ересь через Иисуса, какого-то Галилеянина, Которого мы распяли, но ученики Его ночью похитили Его из гроба, где Он был положен по снятии с креста, и обманывают людей, говоря, что Он воскрес из мертвых и вознесся на небо».

Итак, *некоторые* из охранявших гроб Господа римских воинов пришли к первосвященникам объявить о случившемся и, приняв от них довольно денег, обещали поддерживать клевету о похищении тела Иисуса. А другие воины, охранявшие гроб, куда пошли? Если *некоторые* пошли к первосвященникам, как поставившим отряд на караул, то остальные должны были пойти к своему начальству, чтобы доложить о чудесном событии, свидетелями которого они были. И надо полагать, что они или прямо пошли к Пилату, или же были вызваны к нему после того, как доложили обо всем своему непосредственному начальнику, а этот последний доложил самому Пилату. Хотя Евангелист не поясняет, куда пошли остальные, кроме *некоторых*, воины, но мы, на основании других данных, можем утверждать, что Пилат узнал о свершившемся чуде именно от этих воинов. Ведь он донес римскому императору Тиверию о Воскресении Христа (см. выше) и, конечно, не решился бы делать такое донесение на основании слухов, неизвестно от кого исходящих; если он донес Тиверию о Воскресении Христа, как о совершившемся событии, то, несомненно, основал свое донесение на личном докладе ему тех воинов, которые были свидетелями чудесного события.

Вот и прямой ответ на вопрос: почему Пилат не казнил воинов, спавших будто бы при охране гроба? Не казнил потому, что они в действительности не спали, охраняя гроб, и ничего преступного не совершили.

Такое исследование вопроса о воинах, охранявших гроб, доказывает не только полную несостоятельность мнения о похищении тела Иисуса учениками Его, но и действительность самого события Воскресения Христова. Но, не ограничиваясь этим исследованием, пойдем дальше.

Если бы действительно апостолы украли тело Иисуса, то неужели озлобленные враги Христа не пожелали бы воспользоваться удобным случаем, чтобы сразу избавиться и от всех ближайших учеников Его? Неужели они не потребовали бы от Пилата и их крови? Ведь расследованием этого дела и казнью апостолов они не только оправдались бы перед народом за отвержение Иисуса, но еще и значительно окрепли бы в своем влиянии на него. Однако, ничего подобного синедрион не предпринимает. Мало того, через несколько недель, когда апостолы своей проповедью о Воскресении Иисуса стали обращать к Нему тысячи евреев, и синедрион потребовал их к себе, то и здесь он не решился обвинить их в похищении тела Иисуса, а ограничился лишь запрещением проповедовать (Деян. 6: 18).

Что же за причина такого поведения первосвященников, фарисеев и старейшин народных? Причина понятна: сами они выдумали сказку о похищении тела Иисуса и потому прекрасно понимали, что возбуждение преследования против апостолов обличит их самих в обмане, навлечет на них страшную ответственность и усилит в народе веру в действительное Воскресение Иисуса. Они решили, что лучше молчать, и затем, по прошествии некоторого времени, обратить в свою пользу невыясненность дела; тогда еще кто-нибудь поверит им, а при возбуждении преследования против мнимо виновных никто не поверит. Вот почему они постыдно молчали.

Обратимся теперь к апостолам и постараемся понять: могли ли они похитить тело Иисуса? Апостолы, несомненно, любили Иисуса, верили в Него, как в Мессию, и с не-

терпением ожидали то счастливое время, когда Он откроет Свое Царство, где они займут почетнейшие места. Они, как и все евреи того времени, верили, что Мессия будет царствовать вечно, следовательно, умереть не может. Вот почему им всегда были непонятны слова Иисуса о предстоящей Ему смерти; они не хотели верить в возможность Его смерти, а потому и не придавали никакого значения Его словам о Воскресении; они считали эти слова за иносказания, притчи, к каким так часто прибегал их Учитель. И вдруг — Иисуса распинают! Он умер и погребен, как и все люди! «Если Он умер (могли рассуждать апостолы), то, значит, Он не Мессия; а если Он не Мессия, зачем же Он обманывал нас?»

Мысли эти, несомненно, должны были волновать апостолов. А если в души их закралось сомнение, если они считали себя обманутыми, то спрашивается: какое дело было им до тела Того, Кто ввел их в такое ужасное заблуждение? Ведь они, кроме Иоанна, не любопытствовали даже узнать, где погребен Христос; они не нашли нужным пойти, подобно женам-мироносицам, ко гробу Иисуса, чтобы воздать телу Его обычный долг уважения и почета! А при таком душевном состоянии апостолов похищение ими тела Иисуса было бы бессмысленным и бесцельным, но вместе с тем и крайне опасным делом. Вход в пещеру, где лежало тело, был завален громадным камнем и охранялся вооруженной стражей. Прийти, отвалить камень, войти в пещеру, взять тело и унести его и совершить все это так, чтобы стражники не заметили ничего, — да это более чем невозможно! С другой стороны, если бы апостолы верили, что Иисус воскреснет, то и в таком случае похищение ими Его тела было бы бесцельным, даже безрассудным: к чему похищать тело, если оно в третий день будет воскрешено?

Наконец, если бы враги Иисуса намеревались издеваться над Его телом, то в таком только случае у учеников Его могла возникнуть мысль о перенесении тела в безопасное место; но ничего подобного со стороны врагов не обнаружено; напротив, Иисуса похоронили по всем обрядам еврейским. К тому же не представлялось никаких поводов даже к возбуждению подобного вопроса, во-первых, потому, что издевательство над телом умершего не могло обойтись без прикосновения к нему, всякое же прикосновение к умершему считалось осквернением; и во-вторых, потому еще, что евреи, как об этом свидетельствует Иосиф Флавий («Иудейская война». Кн. 4. Гл. 5, 2), так заботились о скорейшем и непременно погребении умерших, что даже пригвожденных ко кресту по судебному приговору снимали с крестов до захода солнца и погребали.

Помимо всего этого, следует признать, что апостолы, по своим нравственным качествам, не способны были похитить тело Иисуса и затем ложно уверять всех, что Он воскрес. Ведь они пронесли по всему миру проповедь о воскресшем Христе и не отреклись от своей веры в Его Воскресение ни при гонениях, ни даже тогда, когда их вели на казнь за эту веру. Значит, они непоколебимо верили в то, что Иисус действительно воскрес; а такой веры они не могли бы иметь, если бы сами похитили тело Иисуса и спрятали от Его врагов. И что заставило бы их уверять всех, что Иисус воскрес, если бы Он не воскресал? Прежняя любовь к Нему? Но эта любовь должна была бы не только угаснуть, но даже превратиться в ненависть, так как они поняли бы, что были обмануты, обольщены несбыточной мечтой, а потом брошены на произвол судьбы.

Итак, следует признать, что апостолы не похищали и не могли похитить тело Иисуса.

Но не украли ли тело Иисуса сами первосвященники? Думаю, что если бы они сами украли его раньше приставления ко гробу стражи, то незачем было бы и приставлять ее: апостолы не могли украсть тело, которого не было уже в гробнице; и потому опасения

первосвященников о возможности похищения не имели бы ни малейшего основания. С другой стороны, предположение о похищении первосвященниками тела Иисуса явно неправдоподобно потому, что, по их же учению, прикосновение к телу умершего считалось осквернением, вызывавшим особые омовения и жертвоприношения; и они, конечно, не решились бы прикоснуться к телу умершего Иисуса, тем более в первый день Пасхи. Наконец, если бы они сами украли тело Иисуса, то, конечно, показали бы его народу, когда апостолы всюду проповедовали о Воскресении Господа.

Итак, все вышеизложенное приводит к заключению:

- 1) что охраняли гроб Господа римские воины;
- 2) что они были свидетелями Воскресения Христова;
- 3) что некоторые из них пошли доложить первосвященникам о случившемся и, получив от них довольно денег, согласились, в случае надобности, поддержать своим свидетельством их клевету о похищении тела Иисуса, но обещания своего не исполнили;
- 4) что слух о похищении тела Иисуса был распространен первосвященниками значительно позже, через несколько лет, когда апостолы своей проповедью обратили ко Христу множество евреев и язычников;
- 5) что остальные из охранявших гроб воины доложили о Воскресении Христа Пилату, который, основываясь на этом личном докладе свидетелей-очевидцев, донес обо всем римскому императору Тиверию;
- 6) что первосвященники не только не привлекли к суду апостолов за мнимое похищение тела их Учителя, но даже и не обвиняли их в этом, когда призывали к себе в синедрион;
- 7) что апостолы не могли бы проповедовать о Воскресении Христовом и жертвовать за эту истину своей жизнью, если бы похитили тело Его;
- 8) что не могли совершить похищения и сами первосвященники;
- 9) что пущенный первосвященниками слух о похищении тела Иисуса есть гнусная клевета;
- 10) что, прикладывая печать ко гробу и приставляя к нему воинскую стражу, первосвященники, сами того не подозревая, были орудиями Промысла Божия, так как Богу угодно было, чтобы свидетелями Воскресения Иисуса Христа были люди, не принадлежащие к числу Его учеников, такие люди, которым могли бы поверить даже не знающие ни Христа, ни учения Его, которым поверили Пилат и Тиверий; и
- 11) что, таким образом, благодаря Промыслу Божию, не только опровергается клевета о похищении тела Иисуса, но и доказывается действительное Его Воскресение.

Второе возражение против действительности Воскресения Христова основано на предположении, что Он не умер на кресте и был погребен в обморочном состоянии (летаргическом сне).

Возражение это опровергается с научно-медицинской точки зрения. Так, профессор (доктор медицины) А. Шилтов, в своем сочинении «Мысли о Богочеловеке», говорит, что бичевание и истязания Иисуса до распятия, полное изнеможение и упадок сил, затем невыносимые муки на кресте должны были вызвать опаснейшую болезнь — отек легких, доказательством чему служит истечение из прободенного бока крови и воды; затем, сквозные раны на руках и ногах; обильное кровоизлияние из них; наконец, прободение легких копьем — все это должно было неминуемо привести к смерти; сохранение жизни при таких условиях невозможно. Если даже допустить, что Христос был в глубоком обмороке, то и в таком случае сильный удар копьем и прободение бока с ранением важ-

нейших органов были вполне достаточны, чтобы жизнь и без того обессиленного и истекшего кровью Божественного Страдальца угасла мгновенно.

Если Христос не умер на кресте и, следовательно, не воскресал, то был обыкновенным человеком. По утверждению же профессора Шилтова, человек со сквозными ранами на ногах не может ходить, пока не заживут эти раны; а заживление их возможно не ранее двух недель. Между тем, Христос на третий день не только прошел от Иерусалима до Эммауса, но и обратно вернулся в тот же день в Иерусалим, чтобы явиться десяти апостолам; следовательно, Он прошел со сквозными ранами на ногах двадцать верст. Только Богочеловеку с обновленным и прославленным телом возможно было совершить такое путешествие.

Кроме того, если допустить предположение о мнимой смерти Иисуса Христа, то тогда придется допустить также предположение и о том, что Иисус Христос, чтобы уверить Своих учеников в Своем Воскресении, должен был обманывать их и затем, после нескольких явлений им, скрыться от них навсегда и провести остальное время Своей жизни в неизвестности, то есть надо признать Иисуса обманщиком. Однако на это не решается никто, кроме коснеющих в своем заблуждении евреев; никто не осмеливается называть Его обманщиком; атеисты, отвергающие Его божество, признают Его совершеннейшим в нравственном отношении Человеком.

Возражение против действительности Воскресения Иисуса Христа, заключающееся в том, что Он, будто бы не умирал, настолько неосновательно, что его опровергает сам Д. Штраус: *«Вышедший из гроба полумертвым, — говорит Штраус, — ходящий в болезненном виде, нуждающийся во врачебных пособиях, перевязках, подкреплении и уходе за Ним, и, наконец, изнемогающий от страданий никак не мог бы произвести на учеников того впечатления Победителя над смертью и гробом, Владыки жизни, которое служило основанием дальнейшей их деятельности; такое возвращение к жизни только ослабило бы то впечатление, какое Иисус производил на учеников Своих при жизни и смерти, исторгло бы у них в высшей степени плачевные вопли, но никак не могло бы превратить их скорбь в воодушевление, их уважение к Нему возвысить до обожания».*

Итак, следует признать, что Иисус Христос действительно умер. Остается рассмотреть последнее возражение: самообольщение апостолов.

Д. Штраус и его единомышленники признают, что ученики Иисуса могли сделаться побеждающими мир проповедниками Евангелия только при помощи твердой веры в Его действительное Воскресение; но такая вера апостолов могла возникнуть не вследствие действительного Воскресения Христа, а вследствие особого душевного состояния их: они мечтали о Воскресении своего Учителя, страстно желали видеть Его воскресшим и потому приняли за действительное явление им Христа лишь представившееся их расстроенному воображению видение Его.

Итак, проследим душевное состояние апостолов, в каком они находились после распятия их Учителя, чтобы решить вопрос: могли ли они дойти до мечтательного созерцания Иисуса Христа, как бы воскресшего из мертвых. Но прежде послушаем, что говорят специалисты о призраках или видениях.

Тот же профессор Шилтов, на которого я ссылаюсь, говорит: *«Психологически невозможно, чтобы апостолы, упавшие духом вследствие смерти своего Учителя, могли видеть Его призрак, ибо в состоянии уныния и отчаяния человек не способен ни к каким галлюцинациям. Способность видеть видения зависит от особого состояния нервной системы; для этого надо быть крайне чувствительным (сенситивом); а такая чувст-*

вительность встречается далеко не часто между людьми, и особенно редко между мужчинами. К тому же один и тот же призрак не может быть видим одновременно многими людьми. А так как апостолы были люди простые, со здоровыми нервами, то если бы они даже не находились в состоянии уныния и отчаяния, то и в таком случае нельзя было бы допустить возможность для них галлюцинации, да еще коллективной».

Затрагивая вопрос о так называемых «двойниках», профессор Шилтов говорит, *«что видение двойника возможно только при наличии того, чей «двойник» кажется видимым: следовательно, кто говорит, что апостолы видели не Самого Христа, а Его двойника, тот признает, что при таком видении присутствовал Сам Христос. Что же касается так называемых телепатических явлений, то во всех известных случаях подобных явлений призрак является обыкновенно в минуту смерти или серьезной опасности и бывает видим только тому, кому близкое лицо мысленно сообщает о постигшем его несчастье; посторонним же лицам, находящимся тут же в минуту появления призрака, последний остается невидимым».*

Итак, по словам профессора Шилтова, наука не может допустить возможности явления апостолам призрака Иисуса Христа. К тому же, призрак тела и костей не имеет, разговаривать не может, не может и принимать пищу. А так как явившийся апостолам Господь показал им Свои руки, ноги и ребра (и апостолы осязали их), разговаривал с ними и ел при них рыбу и мед, то, конечно, не мог быть призраком, а был действительно воскресшим Иисусом Христом.

Все это настолько очевидно, что, казалось бы, нет надобности приводить дальнейшие доказательства действительного Воскресения Христа. Но так как Штраус все свои опровержения чуда воскресения Христова строит на предположении, что апостолы приняли призрака Иисуса за Его реальное явление и так как Штраусом увлекаются наши интеллигенты, незнакомые с Евангелием, то я вынужден поговорить об этом подробно, чтобы доказать всю несостоятельность таких предположений Штрауса и его слепых поклонников.

Я уже говорил, что апостолы считали Иисуса Христа таким Мессией, о каком мечтали в то время все евреи, то есть блистательным царем-завоевателем, покорителем евреям всех народов земли, таким царем, который будет царствовать вечно, следовательно, и умереть не может. Вот почему им всегда казались странными, непонятными слова Христа о предстоящих Ему страданиях и смерти. Слова эти они считали за иносказания, за притчи, к каким так часто прибегал их Учитель в Своих беседах. Хотя Христос всегда пояснял, что Он не только умрет, но и воскреснет, однако это пояснение казалось им загадочным, и они не придавали ему никакого значения. Мессия, по их понятиям, не может умереть; как же Он может воскреснуть?

Когда Иисус Христос, после Своего Преображения, сходил с горы с апостолами Петром, Иоанном и Иаковом и велел им никому *«не рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых»*, то они спрашивали друг друга: *«Что значит: воскреснуть из мертвых»* (Мк. 9: 9–10). Эти три апостола знали, конечно, что значит вообще воскреснуть из мертвых, так как ранее того, в их же присутствии, Иисус Христос воскресил дочь Иаира (Мф. 9: 23–25; Мк. 5: 37–42; Лк. 8: 51–55) и сына вдовы Наинской (Лк. 7: 12–16); а потому, если они недоумевали и спрашивали: *«Что значит: воскреснуть из мертвых?»* — то это недоумение их относилось исключительно к Самому Иисусу Христу, Который, если Он Мессия, не может умереть; а если Он не может умереть, то как же Он воскреснет из мертвых?

Когда, при последнем путешествии Своем в Иерусалим, Иисус Христос, подозревая двенадцать апостолов, опять начал говорить им о том, что будет с Ним, что осудят Его на смерть и предадут на распятие, и в третий день воскреснет (Мф. 20: 17–19; Мк. 10: 32–34; Лк 18:31–33), то все *«они ничего из этого не поняли; слова сии были для них сокровенны, и они не разумели сказанного»* (Лк. 18: 34), по той же, конечно, причине.

Вообще, смерть истинного Мессии казалась апостолам настолько невозможной, неправдоподобной, что когда Христос, задолго еще до Своей крестной смерти, стал открывать им эту тайну, то апостол Петр отвел Его в сторону и начал уговаривать, чтобы Он оставил этот разговор. *«Будь милостив к Себе, Господи! (сказал он) да не будет этого с Тобою!»* (Мф. 16: 22). Смысл этих слов Петра таков: «Ты — Мессия, Ты будешь царствовать вечно, следовательно, и умереть не можешь; к чему же расстраивать Себя такими мыслями? Пожалей Себя, Господи! Этого не будет с Тобой!»

Когда Иуда-предатель привел в Гефсиманский сад отряд воинов и служителей иудейских (Лк. 22: 52; Ин. 18: 12), чтобы взять Иисуса; когда начиналось уже исполнение предсказаний Спасителя о Его страданиях и смерти, апостолы и тут не хотели верить в возможность страданий Мессии. Желая защитить Его от угрожавшей опасности, они сказали Ему: *«Господи! не ударить ли нам мечом?»* (Лк. 22: 49). А пылкий Петр, не дождавшись ответа Иисуса, выхватил меч и ударил им первосвященнического раба (Мф. 26: 51; Мк. 14: 47; Лк. 22: 50; Ин. 18: 10).

О, как слаба была вера их в Божественность Христа! Они вообразили, что Тот, Кто воскрешал мертвых, нуждается в их защите, что Проповедовавший непротивление злу злом допустит исключение по отношению к Самому Себе!

Иисус запретил им защищать Его силой; и когда Его связали и повели из сада, то *«все ученики, оставив Его, бежали»* (Мф. 26: 56; Мк. 14: 50). Бежали они, по всей вероятности, не столько от страха преследования со стороны мстительных фарисеев (так как их оставили в покое), сколько от закравшегося в них сомнения: Мессия ли Иисус, если Его связали и повели, как преступника?

Под влиянием этих волновавших их чувств они если и видели, как распинали их Учителя, то лишь издали, прячась в толпе; один только Иоанн не побоялся стоять у креста. Когда же тело Иисуса сняли с креста и погребли, то они пришли в уныние, переходящее нередко в разочарование. Они (кроме, конечно, Иоанна) не любопытствовали узнать, где положили тело их Учителя; они не присоединились к женам-мироносицам, чтобы оказать Умершему последний долг почтения. Они только плакали и рыдали.

Вот каково было душевное состояние апостолов, когда они лишились своего Учителя и остались одни: страх преследования, уныние, недоумение, сомнение, тоска, отчаяние... но только не ожидание Воскресения Иисуса Христа, в которое они положительно не верили, о котором даже и думать не могли.

Неверие апостолов в возможность Воскресения Христа было так сильно, что, когда Мария Магдалина, придя ко гробу Господню и увидев камень отваленным, побежала к апостолам и сказала им: *«Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его»*, — то апостолы Петр и Иоанн пошли с ней ко гробу, вошли в него, убедились, что тела Христа в нем нет, и опять возвратились к себе, ибо (как объяснил впоследствии апостол Иоанн) *«они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых»* (Ин. 20: 2, 9, 10). Да, предсказаний Самого Христа о предстоявшем Ему Воскресении они не понимали, а пророческих предсказаний еще не знали; хотя они и знали предсказания о

пришествии Мессии, но, зараженные общеврейским суеверием о Мессии-Завоевателе, они не вникали в смысл предсказаний о страданиях и смерти обещанного Избавителя.

Когда же Христос явился Марии Магдалине, и она пошла и возвестила апостолам, *«плачущим и рыдающим»*, то *«они, услышав, что Он жив и она видела Его, — не поверили»* (Мк. 16: 10–11). Вслед за Марией Магдалиной пришли к апостолам другие женщины, ходившие рано ко гробу, и возвестили им, что видели воскресшего Христа; но *«показались им (апостолам) слова их пустыми, и не поверили им»* (Лк. 24: 11). И показались апостолам их слова пустыми, несмотря на то, что они рассказали им, как они встретили Христа, как *«ухватились за ноги Его»* (Мф. 28: 9) и, не доверяя еще глазам своим, осязанием убедились в Его действительном Воскресении; но апостолы *«и им не поверили»*.

А Клеопа и другой ученик, шедшие в тот же день в Эммаус, рассказывали встретившемуся им Путнику о крестной смерти Иисуса и с глубоким разочарованием, с грустью и отчаянием сказали: *«А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля»* (Лк. 24: 21). Этими словами Клеопа и другой ученик вполне определили душевное состояние апостолов и других учеников в то время: *«Мы надеялись было, что Он Мессия, но... Он оказался не Мессией!»* Слова *«надеялись было»* выражают прежнюю надежду, оказавшуюся несбыточной, и наступившее вслед за тем полное разочарование: ни веры, ни даже надежды — ничего не осталось! Передавая Незнакомцу сообщение некоторых женщин о явлении им Ангелов, сказавших, что Иисус жив, Клеопа и другой ученик обнаружили полнейшее неверие в возможность воскресения Его, так как добавили, что женщины те *«изумили нас»* (Лк. 24: 21–22).

Можно ли после этого говорить, что апостолы были так подготовлены к Воскресению Христа, так мечтали увидеть Его воскресшим, с такой уверенностью ждали явления Его, что вызванное их мечтательностью и расстроенным воображением видение Христа приняли за действительное явление Его, за Воскресение Его из мертвых? Можно ли говорить такие нелепости?

Говорящие так забывают, что в состоянии полного уныния и безнадежности, в которое повергла апостолов смерть их Учителя, такое мечтательное настроение невозможно. Только чудо Воскресения, только действительное явление воскресшего Иисуса могло рассеять сомнения Его учеников.

Но посмотрим, как апостолы отнеслись к явлению им воскресшего Христа.

Из Евангелий Марка, Луки и Иоанна мы знаем, что когда в первый день Воскресения Своего Иисус явился собравшимся в доме ученикам *«и сказал им: Мир вам! Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: что смущаетесь, и откуда такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжьте Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги»* (Лк. 24: 36–40). И, несомненно, что апостолы осязали Его. Отвергнув показания Марии Магдалины и других женщин, удостоверявших, что они видели воскресшего Христа, апостолы, очевидно, доверяли только собственным чувствам. Когда же Христос стал посреди них, то они и зрению своему не поверили, но смутились и испугались. Так велико было неверие их в возможность воскресения их Учителя! Когда же им предложено было довериться своему осязанию, ибо приведение или дух *«плоти и костей не имеет»*, то они не могли отказаться от такого способа удостоверения, что перед ними не дух, а Сам воскресший Учитель их. И они, несомненно, осязали руки и ноги Его. Об этом хотя и нет точных указаний в Евангелиях, но в Первом соборном послании апостола Иоанна, в словах *«что осязали руки наши»* (1:

1), содержится ясное указание на то, что апостолы своими руками осязали руки, ноги и раны Христовы. Но... и осязанию своему они не поверили. Они уже начинали сознавать, что перед ними не приведение; они уже предчувствовали что-то необыкновенное, и на грустных до того лицах их засияла радость. Но они все еще не верили и дивились (Лк. 24: 41).

Тогда Христос сказал им: *«Есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть... рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними»* (Лк. 24: 41–43).

Фома не был при этом явлении Господа; и когда ему рассказали обо всем происшедшем, он не поверил и апостолам-очевидцам, уже уверовавшим в Воскресение Христово. На уверения их, что они действительно видели Учителя, что осязали руки и ноги Его, и что Он ел при них рыбу и мед, Фома ответил: *«Если сам не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его»*, то словам вашим *не поверю*. Вот как велико было недоверие апостолов к чужим показаниям в таком деле!

Через восемь дней Господь опять явился апостолам, среди которых был и Фома. Фома был поражен, когда Господь прямо обратился к нему с требованием, чтобы он перстом осязал Его раны от гвоздей и рукой — прободенные ребра Его. Фома подошел к Господу, осязанием убедился, что это не только не дух, но именно Сам Христос, руки и ноги Которого были пригвождены ко кресту и ребра Которого были прободены копьем. Не имея уже никакого основания сомневаться в тождестве Явившегося ему с Тем Учителем, Который был распят, умер и погребен, Фома в умилении пал перед Ним и воскликнул: *«Господь мой и Бог мой!»* (Ин. 20: 24–28).

Вот каких доказательств потребовали апостолы, чтобы убедиться в действительном Воскресении Иисуса Христа!

При чтении этих повествований может показаться даже обидным это маловерие апостолов в Божественность их Учителя; но при серьезном размышлении об этом маловерии приходишь к заключению, что так было угодно Богу. Да, Богу угодно было привести апостолов к сознательной вере в Иисуса Христа, как Сына Божия, и устранить всякую возможность обвинять их в вере слепой, в легкомыслии и мечтательности: ведь им надлежало идти в мир и свою веру передать другим; ведь их вера должна была быть крепка, как камень, и на камне том должна была воздвигнуться Церковь Христова! Вот чем объясняется все маловерие, все сомнения апостолов.

Когда апостолы, потребовав таких обидно-осязательных доказательств, убедились, наконец, в том, что Иисус Христос действительно воскрес не только духовно, но и телесно, тогда только открылись их сердца, до тех пор окамененные. Но их не могла не тревожить мысль: *«Почему воскресший Иисус не провозглашает Себя Царем Израилевым? Ведь должен же Мессия открыть Царство Израилево? Ведь об этом писали пророки, начиная с Моисея. Почему же Иисус медлит с таким важным делом, которое составляет цель Его пришествия?»*

Вопросы эти должны были волновать апостолов. Но апостолы не могли тогда дать ответа на них, не могли сами разрешить свои недоумения.

С такими-то недоумениями они, по велению Господа, собрались в Иерусалиме и пребывали все вместе, ожидая нового явления. И вот, Господь явился им в сороковой день по Воскресении Своем и вывел их из города на гору Елеонскую, на то самое, вероятно, место, на котором Он, в ночной беседе с четырьмя апостолами, предсказал разрушение Иерусалима и храма, кончину мира, Свое Второе пришествие и Страшный суд.

Вспоминая теперь сказанное тогда Господом о втором пришествии Его, считая эти явления Его после Воскресения за предсказанное пришествие, думая не о Царстве Небесном, которого не понимали еще, а о царстве Мессии-Завоевателя, апостолы мечтали, что Господь теперь же и откроет Царство Израилево. Но так как Господь при всех Своих явлениях апостолам не сказал ни единого слова об этом воображаемом всемирном царстве еврейском, то апостолы не вытерпели и решились, наконец, сами спросить Его, когда же Он откроет это царство, когда провозгласит Себя Царем? И вот, они подходят к Нему все вместе и спрашивают: *«Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилево?»* (Деян. 1: 6). Господь множество раз говорил апостолам, что Царство Его — не от мира сего, не такое, как царства земных царей; и если апостолы до сих пор не могли уразуметь этого, если они в состоянии будут уразуметь все тогда только, когда Отец пошлет им Духа Святого, то теперь бесцельно было бы отвечать на их вопрос. Поэтому Господь сказал им: *«Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли»* (Деян. 1: 7–8). *«Сказав сие, Он поднял руки Свои и благословил их. И, когда благословлял их, Он поднялся в глазах их и стал отдаляться от них и возноситься на небо»* (Лк. 24: 50–51; Деян. 1: 9).

Апостолы поклонились возносившемуся Господу и долго смотрели на Него. Наконец, облако скрыло Его от их взоров (Лк. 24: 52; Деян. 1: 9). Нет Его более с ними! Конец мечтам о блистательном земном Царстве Мессии! Конец мечтаниям об обещанных им двенадцати престолах!.. Грустно было апостолам расставаться навсегда со своим Учителем. Грустно, невыносимо тяжело было осознать несбыточность своих мечтаний и отказаться от них! Чувствовалась, вероятно, не только осиротелость без Учителя, но и томительная пустота в сердце, которое так недавно было полно самых радужных надежд на прекрасное будущее.

Так могли чувствовать и так могли рассуждать апостолы, оставшись сиротами, с разбитыми надеждами; в таком, вероятно, настроении они вернулись в Иерусалим, где провели десять томительных дней в беседах о всем, что совершилось в эти три с половиной года.

И вот, в день Пятидесятницы свершилось нечто сверхъестественное, чудесное: в третьем часу утра по еврейскому счету, а по нашему — в девятом, *«сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них»* (Деян. 2: 2–3). На шум этот собрался народ; в собравшейся толпе было много иностранцев, которые тоже хотели узнать, что случилось, и обращались к апостолам с вопросами. Каково же было их изумление, когда апостолы отвечали им, каждому на его народном языке или наречии! В толпе было также множество евреев, собравшихся на праздник Пятидесятницы; многие из них могли засвидетельствовать, что апостолы — простые, неученые галилеяне, не знающие никаких иностранных языков. И изумлялись все, и спрашивали друг друга: *«Что это значит?»* (Деян. 2: 12).

Тогда апостол Петр, так недавно еще покинувший своего Учителя и трижды отрекшийся от Него, выступает со смелой речью, какую мог произнести только человек неустрашимый и глубоко убежденный в правоте своих слов: *«Мужи Израильские! Выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знаменами, вы взяли и, пригвоздив руками незаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, чему все мы свидетели. Итак, Он, быв вознесен десни-*

цею Божию и, приняв от Отца обетование Святаго Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите... Итак, твердо знай весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли» (Деян. 2: 14–36).

Слушали эту вдохновенную речь Петра все, собравшиеся на шум, и в числе их, несомненно, были и те евреи, которые требовали казни Иисуса, которые кричали Пилату: *«Распи! Распи Его!»* Потрясенные смелым свидетельством Петра о Воскресении распятого Иисуса, они спрашивали Петра и других апостолов: *«Что нам делать?»* И Петр ответил им: *«Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа».* Охотно принявшие слово его крестились; и присоединилось в тот день душ около трех тысяч (Деян. 2: 37–41).

Вскоре Петр и Иоанн шли вместе в храм. К ним обратился, прося милостыни, хромой от рождения, который совсем не мог ходить: каждый день его приносили к храму и сажали у дверей его. Петр сказал ему: *«Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи».* И взял Петр хромого за руку и поднял его; и хромой вскочил и стал свободно ходить, славя Бога. Весь собравшийся у храма народ видел это; и сбежались все в притвор Соломонов, куда вошли Петр и Иоанн и не отходивший от них исцеленный хромой.

Увидев собравшуюся толпу народа, Петр сказал: *«Мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит? Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата... Сего... Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели» (Деян. 3: 12–13; 2: 32).*

Многие из слушавших Петра уверовали в Господа Иисуса Христа, и было их около пяти тысяч человек (Деян. 4: 4).

Видя такой успех проповеди Петра, синедрион собрался под председательством Каиафы и спросил апостолов: *«Какою силою или каким именем вы сделали это? (то есть исцелили хромого). Тогда Петр... сказал им: начальники народа и старейшины Израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он пред вами здрав» (Деян. 4: 7–10).*

Удивляясь смелости Петра и не зная, что возразить ему, синедрион приказал Петру и Иоанну *«отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса».* Но Петр и Иоанн сказали им на это: *«Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян. 4: 13–20).*

Злобный синедрион, видя, как народ прославляет Бога за совершенное Петром чудо, зная, что уже до восьми тысяч человек уверовали в воскресшего Иисуса, вынужден был смолкнуть после вдохновенной, смелой речи Петра. Синедрион рад был бы растерзать Петра и Иоанна на клочки, но побоялся возмущения народа и отпустил их.

Апостолы, верные слову Петра и Иоанна, не страшились ничего, открыто проповедовали народу спасение во Христе воскресшем и совершили множество чудес. Вера в чудотворную силу Христа, именем Которого апостолы исцеляли больных, была так велика в народе, что больных выносили на улицу и клали на постелях и кроватях с тем, чтобы хотя тень проходящего Петра осеняла их. Несли в Иерусалим и из окрестных городов больных и одержимых нечистыми духами; и исцелялись все, и число верующих возрастало с каждым днем (Деян. 5: 12–16).

Да, вот что случилось с апостолами в день Пятидесятницы. Из робких, трусливых, боявшихся при посторонних людях даже произнести имя Иисуса, они стали смелыми, неустрашимыми проповедниками Его. Были они простыми, неучеными людьми, едва ли даже и читавшими когда-либо Писание. Были они заражены лжеучением книжников о всемирном царстве еврейском, открыть которое должен ожидаемый Мессия; и думали они только об этом царстве, о том положении, какое они займут в нем, об обещанных им двенадцати престолах. Едва ли они понимали своего Учителя, когда Он говорил им о Царстве Небесном, и совсем не верили, что Он — Сын Божий, пришедший в мир для спасения и искупления людей. Бывали дни, когда они теряли веру в Иисуса даже как в еврейского царя-завоевателя. Да, все это было.

Но что же такое случилось с ними, что они мгновенно отрешились от всех ложных взглядов на Иисуса и Его назначение? Что такое случилось, что они сразу уразумели все, чего прежде не понимали? Что такое случилось, что они стали открыто, всенародно проповедовать воскресшего Христа, Сына Божия (Деян. 9: 20), посланного Отцом в мир для спасения людей и искупившего их Своею Кровью? Что такое случилось, что они, не книжные люди, стали сразу же приводить все пророчества о Христе и объяснять их в их истинном значении, а не так, как объясняли книжники и фарисеи? Что такое случилось, что апостолы стали исцелять больных от всех болезней и изгонять бесов? Что такое случилось с апостолами, что на угрозы властного синедриона, распявшего их Учителя, они вместо того, чтобы с покорностью подчиниться приказанию — «молчать», отвечают смело, убежденно: *«Мы не можем не говорить того, что видели и слышали»* (Деян. 4: 20)? Что такое случилось, что они начинают всенародно крестить всех, по слову их уверовавших во Христа, Сына Божия?

Да, что такое случилось с апостолами, что они мгновенно преобразились, стали не теми, какими были? Что такое случилось с ними? Объясните-ка это вы, не верующие в Господа нашего Иисуса Христа! Вы можете только отрицать это событие. Но как же вы объясните, что с этого именно момента силой слова апостолов вера в распятого и воскресшего Христа, Сына Божия, стала быстро распространяться не только среди евреев, но даже и язычников? Этого вы не можете отрицать. Так подумайте же: какими апостолы были до дня Пятидесятницы и какими стали тотчас же после описанного святым Лукой события? И вы вынуждены будете признать, что в этот день, в это знаменательное утро с ними действительно случилось нечто необыкновенное, что они сразу преобразились, стали не теми, какими были. И так как они не могли преобразиться своими человеческими силами; не могли со своей прежней колеблющейся верой, а подчас и полным неверием, совершать чудеса (Мф. 17: 19–20); не могли проповедовать во Христе Сына Божия, в Которого прежде не верили, то вы должны согласиться, что воздействовала на апостолов, преобразила их иная, сторонняя сила; и Сила эта — Дух Святой, о Котором Иисус Христос говорил в прощальной беседе Своей с апостолами: *«Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам»* (Ин. 14: 26); *«Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину»* (Ин. 16: 12–13).

Да, Дух Святой сошел на апостолов; и мгновенно спала с глаз их завеса, сотканная лжеучением книжников иудейских и скрывавшая от них свет Христовой истины; спала завеса, и они сразу уразумели все, над чем так часто недоумевали, в чем нередко сомневались, чему верить не хотели; спала завеса, и мгновенно исчез навеянный ею образ Мессии-Завоевателя, и на место его стал ясный, отчетливый образ Христа-Богочеловека,

Сына Божия, равного Отцу. И сами апостолы сознавали и открыто исповедовали, что преобразились, возродились не своей силой или благочестием, а силой Духа Святого, посланного на них Богом во имя Иисуса Христа, Сына Божия.

Да, только действительное воскресение Христа могло привести апостолов к твердому, ничем непоколебимому убеждению (не вере только, а убеждению) в том, что Он во истину воскрес; а сошествие на них Святого Духа, это другое величайшее чудо, дало им возможность уразуметь все, чему они были свидетелями за три с половиной года следования их за Христом. Это второе чудо было необходимо, чтобы апостолы могли освободиться от всех фарисейских лжеучений о Мессии, мешавших современным Христу евреям уверовать в Него, как в Сына Божия, истинного Примирителя и Искупителя, Царство Которого не от мира сего. Вот почему я и остановил внимание читателей на значении этого второго чуда.

И, несмотря на все это, неверующие в Воскресение Христово требуют иных доказательств и спрашивают: «Почему Христос не явился врагам Своим, распявшим Его? Почему Он не явился народу, требовавшему Его казни?»

На эти вопросы можно отвечать только предположениями, ибо нам не дано знать планы и намерения Божии. Думаю, что если ближайшие ученики Иисуса, любившие Его всей душой, не поверили ни Марии Магдалине, ни женам-мироносицам, ни Клеопе и шедшему с ним в Эммаус ученику, утверждавшим, что видели воскресшего Иисуса; если они не поверили женам-мироносицам, свидетельствовавшим, что они ухватились за ноги явившегося им Господа и осязанием удостоверились, что это не дух, не призрак; если они не поверили и своим глазам, когда Господь явился им самим; если они сначала не доверяли даже и осязанию своему и, осязая руки и ноги Его, все еще не верили и дивились (Лк. 24: 41), и поверили только тогда, когда Он ел перед ними, то как мог поверить в Воскресение Его народ, считавший Его под конец лже-мессией и требовавший Его казни? Какие еще доказательства надо было представить народу, и сколько раз представлять их? Нельзя же было в каждой толпе народа, в каждом еврейском поселении предоставлять всем и каждому осязать руки, ноги и ребра Воскресшего? Всякое же явление без таких осязательных доказательств было бы принято народом за призрак, привидение и в действительности воскресения распятого и умершего Иисуса не убедило бы никого. И оправдались бы слова притчи, сказанной Господом: *«Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят»* (Лк. 16: 31).

Еще спрашивают неверующие: «Почему Христос не сошел с креста? Ведь этим Он несомненно доказал бы всем Свое Божество, Свое равенство Отцу? Почему Он, наконец, не облегчил Своих страданий на кресте, если имел власть не только исцелять всякие болезни, но даже воскрешать мертвых? Почему?» И на эти вопросы мы можем ответить только предположением, весьма впрочем, правдоподобным.

Мы знаем, что Христос требовал от Своих последователей подражания Ему, как Человеку; Он требовал, чтобы они жили так, как Он жил. Призывая к Себе всех труждающихся и обремененных, уговаривая их взять на себя иго Его заповедей и обещая им за это душевный покой, Он знал, что людям грешным трудно сразу поднять это бремя; поэтому Он, в Нагорной проповеди Своей, учил апостолов и всех последователей Своих, как они должны перевоспитать себя и исправиться, чтобы иго Его заповедей не показалось им неудобноносимым; а после этого, указывая на Самого Себя, говорил: Научитесь от Меня (Мф. 11: 29) нести это иго; несите его так, как Я несу; и тогда вы увидите, что бремя Моих заповедей легко. И при других случаях Он всегда указывал на Себя, как обя-

зательный для нас и доступный нам Образец совершенства. Но так как Христос был Божечеловек, Сын Божий, то мы можем подражать Ему только по Его человечеству, то есть жить так, как жил Христос-Человек; подражать же Ему в Его Божестве мы не можем, и Он не требовал этого от нас. Вот для того-то, чтобы подражание Ему, как совершенному Человеку, было возможно, Он никогда не пользовался Своей Божественной властью лично для Себя, никогда не облегчал этой властью Свои человеческие страдания, немощи Своего тела. Он испытывал мучения голода и жажды; нуждался в подкреплении Своих сил сном; Он радовался и скорбел, и скорбь Его нередко разрешалась слезами; Он, как Человек, подвергался искушениям и побеждал их не Божественной властью, а единственно покорностью воле Отца; Он содрогнулся всем Своим человеческим существом, когда в Гефсиманском саду Его мысленному взору предстала чаша страданий; и Он, как Человек, даже молил Отца об отсрочке исполнения Его воли; а когда подчинился воле Отца, то невыразимые страдания на кресте исторгли вполне человеческий вопль Его: *«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»* То есть для чего в такой ужасный час мучительной казни Божественная сила Самого Христа, всегда пребывавшая с Ним, не облегчила Его страданий? Да, Христос, как Человек, никогда не пользовался для Себя Божественной властью, принадлежавшей Ему как Сыну Божию; никогда не облегчил Себе несения ига Своих заповедей. Поэтому-то Он и требовал, чтобы мы подражали Ему, жили так, как жил Он, Христос-Человек. А если бы Он пользовался Своей Божественной властью для облегчения Своих страданий и человеческих немощей, то подражать Ему было бы для нас невозможно, и тогда одна из целей Его воплощения была бы не достигнута. Вот почему Он не сошел со креста и не облегчил Свои страдания, а претерпел мучительную казнь до конца.

Посмотрим же теперь, что сделали враги Христовы, первосвященники, книжники и фарисеи, чтобы поколебать веру в народе в справедливость слов апостолов, везде провозглашавших, что Христос воскрес. Ведь если Христос не воскрес, то они, руководители евреев, *обязаны* были уличить апостолов во лжи.

Смелая проповедь Петра, прямое обвинение руководителей еврейского народа в убийстве Мессии должны были встревожить первосвященников и фарисеев. Если Петр и другие апостолы, на которых он ссылается, как на свидетелей, обманщики, то надо было немедленно изобличить их в обмане. Место погребения Иисуса было хорошо известно им: они же приложили к нему печать синедриона. Если Он не воскрес, если тело Его лежит в гробу, то достаточно было только повести эту, обращенную Петром, трехтысячную толпу ко гробу, показать лежащее в нем тело Иисуса и обнаружить обман. Но они молчат, молчат потому, что знают уже, что гроб пуст. Но где же тело Иисуса? Если его украли ученики, то надо было тотчас же привлечь их к суду, уличить их показанием стражников, карауливших тело, и тем воспрепятствовать Петру ссылаться на свидетельство апостолов. Но убийцы Христа и этого не делают, так как не уверены, что стражники поддержат на суде их клевету. Так где же тело Иисуса Христа, если гроб пуст и оно не украдено учениками Его? Где?

Вопросы эти не могли не волновать членов синедриона. Они первые должны были всесторонне исследовать их, так как им принадлежало руководство иудейским народом в религиозно-нравственном отношении; на них же лежала ответственность за пролитую кровь Иисуса; и они, конечно, не преминули тщательно, хотя и негласно, убедиться в справедливости слов стражников, первых свидетелей чуда Воскресения. Трудно допустить предположение, что они оставили эти слова без проверки; правдоподобнее считать,

что они лично, хотя и не в полном составе синедриона, ходили ко гробу Иисуса и видели его пустым. После тщательного исследования они не могли не признать, что Иисус Христос действительно воскрес. Но отчего же они постыдно молчали о том? Отчего всенародно не исповедали свой тяжкий грех? Отчего своим публичным покаянием не оградили народ свой от грозивших ему бедствий?

Да оттого, что этим развращенным людям блага земные были ближе, дороже благ небесных. Они не надеялись покаянием получить прощение своего тяжкого греха; но, вместе с тем, они прекрасно понимали, что всенародное покаяние их в убийстве Мессии повлекло бы за собой немедленное избиение их камнями тем же народом, который был вовлечен ими в соучастие в этом преступлении. В страхе за свою жизнь они молчат, боясь преследования; они бессильны возражать Петру, собирающему вокруг себя народ и проповедующему о Воскресении распятого Христа; но крест и пустой гроб не дают им покоя; они хотели бы забыть даже имя Распятого ими, но не могут: молва о Нем в народе растет, именем Его Петр исцелил уже хромого от рождения, толпы идут к нему креститься, исповедуя воскресшего Христа... И вот убийцы Его, призвав Петра и Иоанна, оказываются бессильными сказать что-либо против события Воскресения и ограничиваются лишь приказанием *«отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса»* (Деян. 4: 18).

Таким образом, падают все возражения против чуда Воскресения Иисуса Христа; разбор же их выясняет, что чудо это действительно совершилось.

Тщательно опечатанный гроб с телом Иисуса, оказавшийся на третий день погребения пустым; клевета синедриона о похищении тела учениками, удостоверяющая, при всей своей наглости и лживости, что гроб действительно опустел; неверие апостолов в возможность Воскресения Мессии, Который, по понятиям иудеев, не мог и умереть; неверие их в Воскресение их Учителя даже тогда, когда возвестили им о том жены-мироносицы; то же неверие их даже при явлении им воскресшего Иисуса; требование от Него осязательных доказательств действительности Его телесного Воскресения; осязание собственными руками ран Иисуса; принятие в их присутствии Иисусом Христом пищи; последующие явления Иисуса Христа апостолам и Вознесение Его на небо; непоколебимая затем уверенность апостолов в том, что явившийся им Христос есть действительно воскресший из мертвых; смелая и не останавливающаяся ни перед чем проповедь их об этом чуде; явление Иисуса Христа гонителю христиан Савлу; и, наконец, полное бессилие недавно еще сильного синедриона, и даже отсутствие каких-либо серьезных попыток с его стороны опровергнуть эту неумолкавшую проповедь апостолов, везде провозглашавших, что ХРИСТОС ВОСКРЕС... — все это заставляет и нас с твердым убеждением сказать: да, ВОИСТИНУ ВОСКРЕС!

Итак, если главнейшее евангельское чудо, Воскресение Иисуса Христа, доказано, то падают и все возражения атеистов против достоверности Евангелий, основанные на том, что будто бы чудеса невозможны, что чудес не бывает.

Уверовав, что Иисус Христос действительно воскрес в третий день после Своей смерти, как и предсказывал им не раз, апостолы поняли, что все события Его жизни, свидетелями которых они были, поразительно верно оправдали предсказания ветхозаветных пророков о явлении Мессии; и они уверовали, что Он — истинный Мессия, обещанный Избавитель. Поэтому Евангелисты, повествуя о совершенно известных им событиях, сознательно, по глубокому убеждению, говорят: *«сие произошло, да сбудется Писание»*.

Это-то исполнение всего возвещенного Богом через пророков служит тоже бесспорным доказательством достоверности Евангельских событий. События эти были предска-

заны; они должны были произойти; и так как они произошли действительно вполне согласно с ветхозаветными о них предсказаниями, то достоверность их, а, следовательно, и Евангельских повествований о них, вне всякого сомнения.

Книги Ветхого Завета содержат в себе такое множество пророчеств о предстоявшем пришествии Мессии, что приводить их все считаем для нашей цели излишним, и ограничимся лишь главнейшими и, притом, общепонятными, а также откровением Даниилу.

Относительно времени пришествия Мессии мы имеем два указания: в пророчестве Иакова и в откровении Даниилу.

Умирая в Египте, *«призвал Иаков сыновей своих и сказал: соберитесь, и я возведу вам, что будет с вами в грядущие дни»*. Предсказывая затем будущность своих сыновей и их потомства, Иаков относительно своего сына Иуды сказал: *«Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов»* (Быт. 49: 1, 10).

Это предсказание всегда понималось в том смысле, что Примиритель, то есть Мессия, явится тогда, когда прекратятся цари из колена Иудина. А так как Ирод был первым царем в Иудее из иноплеменников (он был идумеянин), то пришествие Мессии ожидалось всеми иудеями со времени воцарения Ирода; и, действительно, в его царствование родился Иисус Христос.

В откровении же Даниилу указывается период времени, по прошествии которого явится Христос.

Несмотря на все попытки многих исследователей подорвать историческое значение книги пророка Даниила и отнести составление ее неизвестным автором ко временам, наступившим после гонений Антиоха Епифана, книгу эту следует считать подлинной и написанной самим Даниилом. Семьдесят толковников (ученых евреев) перевели ее на греческий язык и поставили наряду с книгами Исаии, Иеремии и Иезекииля; а это доказывает, что во время перевода Библии, то есть в 270 году до Р. Х., задолго до воцарения Антиоха Епифана, книга пророка Даниила входила в еврейский список священных книг. Книга эта считалась евреями священной и во времена Иосифа Флавия, признавшего Даниила величайшим пророком*.

В книге пророка Даниила, в главе 9, говорится, что во время молитвы Даниила, вызванной чтением пророчества Иеремии о семидесяти годах плена вавилонского, архангел Гавриил, быстро прилетев, коснулся его и

²² ...сказал: *«Даниил! Теперь я исшел, чтобы научить тебя разумению»*.

²³ *В начале моления твоего вышло слово, и я пришел возвестить его тебе, ибо ты*

---

* Вот, что говорит о пророке Данииле в своем сочинении «Иудейские древности» (Кн. 10. Гл. 11) еврейский историк Иосиф Флавий, участвовавший в иудейской войне, которая окончилась в 70 году по Р. Х. разрушением Иерусалима и храма войсками Тита: *«Оставленные им (Даниилом) после себя сочинения еще и по сей день читаются у нас, и мы приходим на основании их к твердой уверенности, что Даниил был близок к Предвечному. Дело в том, что он не только постоянно предсказывал, подобно всем пророкам, будущее, но и в точности определял время своих предсказаний; так как предвещания его всегда сбывались, то он снискал себе славу божественности»*. Говоря так о Данииле, Иосиф Флавий ссылается не на те пророчества его, которые уже сбылись с поразительной точностью, а именно на предсказания: о победе, одержанной Александром Македонским над царством Мидо-Персидским (Дан. 8: 1–7, 15–21), о разделении царства Александра на четыре части (Дан 8:8–22), о походе Антиоха Епифана на Иудею, осквернении им храма и приостановлении на три года жертвоприношений (Дан. 8: 9–14, 23–25). *«Точно таким же образом, — продолжает Иосиф Флавий, — Даниил предсказал и владычество римлян, а также и то, что ими будет взят Иерусалим и опустошен храм. Все эти предсказания, полученные им от Господа Бога, он записал и оставил нам, чтобы читатели и свидетели событий могли преклониться перед тем, в какой чести был Даниил у Всевышнего»*.

Это свидетельство Иосифа Флавия доказывает, что в его время все евреи считали книгу пророка Даниила боговдохновенной и никто не сомневался в ее подлинности.

муж желаний; итак вникни в слово и уразумей видение.

²⁴ *Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святы́й святых.*

²⁵ *Итак знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины; и возвратится народ и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена.*

²⁶ *И по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения.*

²⁷ *И утвердит завет для многих одна седмина, а в половине седмины прекратится жертва и приношение, и на крыле святилища будет мерзость запустения, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя».*

Толкование этого откровения и исчисление указанных в нем седмин мы заимствуем из сочинения А. Рождественского «Откровение Даниилу о семидесяти седминах».

Седмина или «шабуа» есть собственно «седмеричное время», время, состоящее из семи равных частей, безотносительно к тому, как велики эти части. Так как семидневный период имел большое значение в ветхозаветной религии, то здесь под седминой, на первый взгляд, естественнее всего было бы разуметь «седмицу», неделю; но в данном случае *шабуа* не может иметь такого значения, потому что, говоря в следующей главе о седминах в смысле недель, Даниил называет их не просто «седминами», а «седминами дней» (*в эти дни я, Даниил, был в сетовании три седмины дней*) (Дан. 10: 2), и делает это как бы намеренно для того, чтобы отличить эти седмины от упоминаемых в предшествующей главе. Нельзя разуметь под седминами и седмин месяцев, так как период около сорока одного года, которому равняются 490 месяцев, слишком короток для событий, возведенных в последних стихах: построение города, разрушение его и храма и т. д. Таким образом, остается единственно возможное понимание седмин, как семилетий. Древние христианские толкователи и еврейские ученые всегда разумели под седминами Даниила именно седмины лет.

Начало периода семидесяти седмин определяется, в стихе 25 откровения Даниилу, «повелением о восстановлении Иерусалима».

Из Священного Писания известно, что откровение Даниилу о седминах было во время нахождения евреев в плену вавилонском, и что после падения Вавилонского царства и присоединения его к Персидскому было издано несколько благоприятных евреям царских указов. Первый из этих указов, изданный Киrom, давая разрешение на построение храма, умалчивает о построении разрушенного Иерусалима (2 Пар. 36: 23; 1 Езд. 1: 2–4; 6, 3–5). Второй указ Дария Гистаспа не включает в себе даже и намека на позволение строить город, а говорит, повторяя указ Кира, опять-таки только о построении храма (1 Езд. 6: 6–7). Третий указ дан был священнику Ездre, предводительствовавшему евреями-переселенцами в 7-м году царствования Артаксеркса Долгорукого. Хотя и в этом указе Артаксеркса нет прямого повеления или разрешения строить город, но зато в нем имеется разрешение Ездre делать все, что он захочет на имеющиеся у него деньги: «*И что тебе и братьям твоим заблагорассудится сделать из остального серебра и золота, то по воле Бога вашего делайте*» (1 Езд. 7: 18); это разрешение Ездра мог понимать

очень широко и мог воспользоваться им для построения города, так как в этом чувствовалась потребность всеми обратившимися после плена евреями, ввиду враждебности соседей; а что он так именно и понимал указ Артаксеркса, это видно из последовавшей затем молитвы его (1 Езд 9:9); а что он действительно приступил, по этому указу, к восстановлению Иерусалима, о том свидетельствует Неемия. Иных разрешений, повелений или указов о восстановлении Иерусалима не было.

На этих основаниях началом периода седмин может быть принят седьмой год царствования Артаксеркса Долгорукого, как год, в котором дано разрешение строить Иерусалим.

В каком же году вступил на престол Артаксеркс Долгорукий? Источником для определения начала царствования Артаксеркса служит «Канон царей» или «царств» Птолемея, греческого географа и астронома, жившего во II веке по Р. Х. В этом Каноне даны таблицы ассирийских, мидийских, персидских, греческих и римских царей, начиная с Набонассара. При имени каждого царя указано число лет его царствования и сумма всех лет, протекших до последнего года его царствования от первого года Набонассара. Все хронологи согласны, что первый год Набонассара начинается с 26 февраля 747 года до Р. Х. по Дионисиевскому счету. Известно также, что египетский год, положенный в основу хронологии Птолемея, имеет 365 дней. Зная это, легко определить и время царствования Артаксеркса. В Каноне царей значится, что Артаксеркс вступил на престол в 283 году и царствовал 41 год. Если перевести эти годы на наше, то есть Дионисиевское, летоисчисление, то окажется, что Артаксеркс вступил на престол около 18 декабря 464 года до Р. Х., и что седьмой год его царствования продолжался до конца 458 года. Принимая же во внимание, что Дионисий считал 754 год от основания Рима годом рождения Иисуса Христа, следует признать, что седьмой год царствования Артаксеркса, то есть начала Данииловых седмин, был 296-м ($754 - 458 = 296$) годом от основания Рима.

Конец первых шестидесяти девяти седмин указан в пророчестве Даниила ясно: до Христа Владыки, то есть, до явления Христа должно пройти шестьдесят девять седмин или 483 года, начиная с 296 года от основания Рима. Складывая 296 и 483, узнаем, что конец 69 седмин и, следовательно, явление Христа должно было последовать в 779 году от основания Рима.

Евангелист Лука удостоверяет, что явление Иоанна Крестителя на проповедь и Крещение им Иисуса Христа последовали в пятнадцатый год правления Тиверия кесаря (Лк. 3: 1), то есть в 779 году от основания Рима.

Итак, явление Иисуса Христа на Иордане последовало в том самом году, как было объявлено ангелом Даниилу.

Если выступление Иисуса Христа на общественное служение роду человеческому есть конец первых 69 седмин, то это же событие есть и начало последней седмины, так как откровение не дает права предполагать никакого промежутка между отдельными периодами седмин. В стихе 27 Откровения сказано: *«И утвердит завет для многих одна седмина, а в половине седмины прекратится жертва и приношение»*.

Народ еврейский не узнал своего Мессию, убил Его, распяв на кресте, и за это был отвергнут Богом; смерть Христова прекратила завет Бога с Израилем; с момента смерти Христовой ветхозаветное богослужение, жертва и приношение, потеряло свое значение, *прекратилось* если не внешним образом, то внутренним. Следовательно, сообразно с откровением о седминах, смерть Христова должна была случиться в *половине* последней седмины, то есть приблизительно через три с половиной года после выступления Его на

проповедь. Из повествования Евангелистов, особенно же из Евангелия от Иоанна, мы знаем, что в продолжение общественного служения Иисуса Христа праздновалась три раза еврейская пасха, и что накануне четвертой пасхи Он был распят; а это дает основание утверждать, что общественное служение Иисуса Христа продолжалось приблизительно три с половиной года или половину седмины, как и было сказано о том в откровении Даниилу. Конец этой последней, семидесятой седмины соответствует перенесению проповеди Евангелия от иудеев к язычникам: в продолжение всей этой седмины утверждался Новый Завет со многими из народа еврейского, сначала Самим Иисусом Христом, а потом Его апостолами; по окончании же этой седмины, а вместе с ней и всего периода седмины, в Новый Завет призываются все народы.

Таким образом, ветхозаветными пророчествами предсказаны не только время вообще пришествия Мессии, но даже год выступления Его на проповедь, продолжительность Его общественного служения и время Его смерти.

Посмотрим теперь некоторые пророчества, относящиеся к жизни Иисуса Христа.

Пророк Исаия возвещает происхождение Мессии от Девы: *«Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»* (Ис. 7: 14).

Пророк Михей указывает место, где родится Мессия: *«И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных»* (Мих. 5: 2).

Тот же пророк Исаия, предвидя шествие Иисуса на проповедь, восклицает: *«Скажите дочери Сиона: грядет Спаситель твой; награда Его с Ним и воздаяние Его пред Ним»* (Ис. 62: 11).

Он же возвещает о чудесах, которые сотворит Спаситель: *«Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь»* (Ис. 35: 4–6).

Пророк Захария предвещает торжественный въезд Мессии в Иерусалим: *«Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной»* (Зах. 9: 9).

Этот торжественный въезд Спасителя, эти ликования сынов и дочерей Сиона приводят в волнение первосвященников и фарисеев, они совещаются между собой, как погубить Иисуса; но то, что они будут говорить на этом совещании, записано уже за много лет перед тем в книге Премудрости Соломона: *«Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами — обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его: он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот, ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога. Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; ибо если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет»* (Прем. 2: 12–20).

Псалмопевец Давид предвидит, что предателем Иисуса будет близкий Ему человек: *«Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пядь»* (Пс. 40: 10).

Пророк Захария предсказывает, что Иуда продаст своего Учителя за тридцать сребреников, бросит потом эти сребреники в храм, и что на эти деньги будет куплена земля горшечника: *«И они отвесят в уплату Мне тридцать сребреников. И сказал мне Господь: брось их в церковное хранилище, — высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял Я тридцать сребреников и бросил их в дом Господень для горшечника»* (Зах. 11: 12–13).

Исаия видит мучения, которым подвергнется Мессия: *«Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания (Ис. 50: 6). Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих»* (Ис. 53: 7).

В пророчестве Давида говорится, какой смертью умрет Христос, как будут делить одежды Его, как Он будет мучиться жаждой на кресте и как напоят Его уксусом: *«Скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои, а они смотрят и делают из меня зрелище; делят ризы Мои между собою и об одежде моей бросают жребий (Пс. 21: 17–19). Поношение сокрушило сердце мое, и я изнемог, ждал сострадания, но нет его, — утешителей, но не нахожу. И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом»* (Пс. 68: 21–22).

Пророк Исаия говорит даже о месте погребения Христа: *«Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого»* (Ис. 53: 9).

Моисей, доведя евреев до земли обетованной, перед смертью своей заклиная их слушаться гласа Господа Бога и тщательно исполнять заповеди Его: и обещал им за то все блага земные и господство над всеми народами. *«Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего, сказал Моисей, и не будешь стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его, которые я заповедую тебе сегодня, то придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя. Проклят ты [будешь] в городе и проклят ты [будешь] на поле»* (Втор. 28: 15–16). Перечисляя затем все проклятия и бедствия, которые постигнут евреев, если они не послушают гласа Господа Бога, Моисей, между прочим, сказал: *«И рассеет тебя Господь [Бог твой] по всем народам, от края земли до края земли... Но и между этими народами не успокоишься... И будешь ужасом, притчею и посмешищем у всех народов, к которым отведет тебя Господь [Бог]»* (Втор. 28: 64–65, 37).

Евреи отвергнули Христа, воплощенного Бога, не послушали гласа Его; и как поразительно верно исполнились над ними пророчества Моисея!

Итак, год выступления Иисуса Христа на проповедь, продолжительность Его общественного служения, главнейшие события Его жизни, совершенные Им чудеса, ненависть к Нему тех, кого Он должен был обличать, торжественный въезд Его в Иерусалим, предание Его Иудой за тридцать сребреников, доставшихся потом горшечнику за купленную у него землю, мучения и истязания, которым подвергли Христа, Его смерть, даже год смерти, разрушение храма, рассеяние и проклятие народа израильского — все это было предсказано за множество лет, и все совершилось с поразительной точностью!

Можно ли после этого говорить, что Евангельские события недостоверны, выдуманы Евангелистами?

Однако, несмотря на все эти доказательства, против достоверности Евангелия представляют еще следующее возражение: в Евангелии изложено учение о Боге; но так как вера в Бога несовместима с новейшими успехами естествознания, в особенности же с открытиями в области астрономии, то все изложенное в Евангелии не заслуживает доверия.

Если это так, то все естествоиспытатели, в особенности же астрономы, должны быть не верующими в Бога. Однако известно, что знаменитейшие естествоиспытатели, которым наука обязана своими гигантскими успехами, всегда оканчивали свои научные исследования признанием существования Бога.

Известный астроном Кеплер окончил свое сочинение «Гармония миров» такой молитвой: *«Благодарю Тебя, Создатель и Бог мой, за то, что Ты даровал мне эту радость о творении Твоём, это восхищение делами Твоими. Я открыл величие дел Твоих людям, насколько мог мой конечный дух постигнуть Твою бесконечность»*.

Астроном Гершель говорил: *«Чем более раздвигается область науки, тем более является доказательств существования Вечного, Творческого и Всемогущего Разума»*.

Знаменитые астрономы Коперник и Ньютон были тоже верующими в Бога*.

Известный естествоиспытатель Линней, оканчивая свои научные труды, воскликнул: *«Вечный, Великий, Всеведущий и Всемогущий Бог прошел мимо меня! Я не видел Его в Лицо, но Его отражение охватило мою душу и погрузило ее в благоговение! Я тут и там замечал Его следы в Его творениях. Во всех Его делах, даже самых малых и незаметных, какая сила, какая мудрость, какое невообразимое совершенство! Я наблюдал, как одушевленные существа идут друг за другом непрерывной цепью, примыкая к царству растительному, а растения сцепляются с царством минеральным, уходящим во внутренность земного шара, между тем как этот шар кружится в неизменном порядке около солнца, дающего ему жизнь. Наконец, я видел солнце и все другие светила, всю звездную систему, бесконечную, неисчислимую в своей беспредельности, движущуюся в пространстве, повешенную среди вечной пустоты первым непостижимым Двигателем, Существом существ, Причиной причин, Вождем и Хранителем вселенной, Господином и*

---

* На памятнике астроному Копернику имеется надпись, выражающая религиозные убеждения почившего: *«Не благодати, воспринятой Павлом, желаю я; не благоволения, с которым Ты простил Петра; лишь той, которую Ты даровал разбойнику на кресте, той милости прошу я у Тебя»*.

Астроном Галилей писал: *«Священное Писание и природа происходят от Божественного слова: первое — как вдохновение Святого Духа, вторая — исполнительница Божеских велений»*.

Ньютон был настолько верующим, что всегда снимал со своей головы шляпу, когда произносил имя Бога.

Астроном Медлер сказал: *«Кто так углубляется в Божию мастерскую, как мы, и имеет столько случаев удивляться Его премудрости и царящему вечному порядку, тот в смиреннии преклонит перед Ним колена»*.

Великий геолог Ляйелль говорил: *«В каком бы направлении не повели мы свое исследование природы, повсюду мы открываем яснейшие доказательства Творческого Ума, Его провидения, силы и мудрости»*.

Зоолог Агасис говорил: *«Ученые занятия природой должны каждого привести к убеждению, что все устроено Высочайшим Духом, все происходит от Него. Он властвует над всеми настоящими, прошедшими и будущими отношениями пространства и времени»*.

Знаменитый физик лорд Кельвиль (В. Томсон) сказал: *«Поразительно сильные доказательства мудрой и благостно управляющей целесообразности окружают нас со всех сторон и учат нас, что все живые существа зависят от непрестанно действующего Творца и Законодателя»*.

Всем известный химик Либих говорил: *«Познавание природы есть путь к восхищению величием Создателя»*.

Шлейден утверждал, что настоящий и точный естествоиспытатель никогда не может сделаться материалистом, отрицателем духа, свободы, Божества.

Известный бактериолог Пастер писал: *«Познание Бога и почтение к Нему входит в мой ум тем же верным путем, каким мы вводим в себя истины физического порядка. Я много изучал, поэтому я верую так же искренно, как бретонский крестьянин; если бы я сделался еще учнее, то моя вера сделалась бы также глубока и пламенна, как вера бретонской крестьянки»*.

Наш хирург и педагог Пирогов записал в своем дневнике: *«Для меня существование Верховного Разума и Верховной Воли сделалось такой же необходимостью, как мое собственное умственное и нравственное существование»*.

Работником всякого дела в мире!.. И так, справедливо верить, что есть Бог, Великий и Вечный, не порожденный никаким существом, Который сотворил это всемирное дело и водворил в нем порядок. Он исчезает из наших глаз, хотя и наполняет их светом. Лишь одна мысль постигает Его; лишь в этом глубочайшем святилище сокрыто Его величие».

Астроном-философ Фламарион говорит: *«Если Бог существует, то Его бытие не может быть заподозрено или отвергаемо наукой».* Предприняв исследование вопроса о бытии Бога с научной точки зрения, он пришел к заключению, что *«математический порядок астрономической организации обязан своим происхождением Разуму, без сомнения высшему, чем разум астрономов, открывших выражение правящих миром законов»*, и *«что на земле, как и на небе, есть непостижимая Разумная Сила, заведующая всем домостроительством мира и составляющая его величие и красоту».* Придя, таким образом, к признанию бытия Бога, Фламарион оканчивает свое заключение восклицанием: *«О, Неведомое, Таинственное Существо! О, Великое и Непостижимое! Кто же и Что такое Ты, если дела Твои столь велики? Жалкие человеческие существа, эти ничтожные муравьи, копошащиеся на поверхности их ничтожной планеты, уверены, что знают Тебя, о Всевышний! И какое имя дать тем, кто отрицает Тебя, кто не верит в Тебя, кто не живет мыслью о Тебе, кто никогда не чувствовал Твоего присутствия, Отец всей природы? Я с любовью преклоняюсь пред Тобою, о Божественное Начало; но я так ничтожен, что не смею и думать, чтобы я мог быть услышан Тобою... Но Ты слышишь меня, Создатель! Ты, дающий красоту и благоухание полевому цветочку, внимаешь и мне! Голос океана не может заглушить для Тебя моего лепета, и моя мысль доходит до Тебя в этой общей молитве!»*

Вот как великие люди науки постигали Творца вселенной! Основательное, без предвзятых мыслей изучение законов природы и осмысленное созерцание мира во всем его величии привели их и многих других ученых не к отрицанию, а к признанию бытия Бога. И как же не правы после этого те, которые силятся уверить меньших братьев, что вера в Бога не совместима с научными исследованиями, что она подрывается в корне своем по мере проникновения ума человеческого в тайны мира! И как прав был знаменитый Бэкон, когда говорил, что *«немного науки отдаляет от Бога, много — приближает к Нему».*

Но и без изучения законов природы одно лишь созерцание величия мира приводило всегда все народы земли к признанию Бога как Творца и Вседержителя. Известный греческий писатель, историк и путешественник Плутарх говорил: *«Обойдите всю землю, и вы увидите много во всем различий; вы увидите селения, где нет никаких законов; увидите людей, которые не знают, что такое деньги; встретите города без укреплений, целые племена, не имеющие жилищ; но нигде вы не найдете страны или народа, среди которых не строились бы алтари и жертвенники, где не сжигались бы жертвы и не возносились бы молитвы к небу».* А Цицерон сказал: *«Нет такого грубого и дикого народа, который не имел бы веры в Бога, хотя бы он и не знал в то же время Его сущности. А что настолько всеобщее, в чем согласны все, то не может быть ложным».*

Да, хотя в каждой стране и в каждом народе могут быть люди, не признающие существование личного живого Бога, но не было и нет такого народа, который весь поголовно был бы безбожным. И эта вера в Бога, присущая всем народам, это стремление людей установить связь с Ним, составляет отличительную черту человека. Из всех живых существ, населяющих землю, только человек, как одаренный искрой божественного разума, стремится к своему Творцу, только он религиозен. И чем более человек возвы-

шается над животными своим умственным и нравственным развитием, тем он становится способнее приблизиться к Богу и преклониться перед Его мудростью, силой и величием.

Но для человека недостаточно чувствовать и знать, что Бог существует: надо знать — каков Он?

Придя к сознанию бытия Бога, Фламарион задается вопросом: *«Кто же Ты, если дела Твои столь велики?»* Такой вопрос волновал не одного Фламариона: во все века, все народы земли, на какой бы ступени умственного развития они ни стояли, веруя в Высшее Существо, создавшее мир и управляющее им, всегда стремились познать Его; мудрецы Востока, философы Древних Греции и Рима — все хотели поднять завесу, скрывающую от них Неведомого Бога, но все попытки в разрешении этого вопроса собственными человеческими силами разбивались в прах; надо было, чтобы Сам Бог открыл Себя людям. Это-то откровение и составляет сущность Евангелия.

Чтобы лучше усвоить себе евангельское учение, надо вспомнить ветхозаветные понятия о Боге. В Ветхом Завете Бог представлен грозным, мстительным, карающим за грех не только самого согрешившего, но и его неповинных детей, внуков и правнуков. О воздаянии в будущей загробной жизни за прожитую земную жизнь ветхозаветные люди почти и не думали; о будущей вечной жизни они не имели надлежащего представления и были уверены, что расплата за добрые дела и за грехи производится здесь же, на земле, пока человек жив. Поэтому, все отношения ветхозаветных людей к грозному и мстительному (по их понятиям) Богу основывались, главным образом, на страхе перед Ним, и выражались в словах: *«Бойся Бога!»*

Христос же принес нам благую весть о том, что человек бессмертен, что кратковременная земная жизнь его есть только приготовление к жизни вечной; что за дела, совершенные людьми здесь, на земле, будет воздаяние на окончательном суде; что все когда-либо жившие люди будут тогда воскрешены и сообразно прожитой жизни одни будут блаженствовать в Царстве Небесном, а другие страдать; что для достижения блаженства в Царстве Небесном надо творить волю Божию; что Бог, как беспредельное Добро и Любовь, требует от нас любви к Нему и ко всем людям; что мы должны поступать со всеми вообще людьми так, как желали бы, чтобы и с нами поступали другие, и т. д.

Словом, Христос открыл нам Бога Любви и Добра; Бога, идущего навстречу заблудшему грешнику, чтобы довести его до раскаяния и исправления; Бога, прощающего всех искренно кающихся, и с радостью принимающего в дом Свой возвратившегося с покаянием блудного сына; Бога, вводящего в Царство Небесное разбойника, раскаявшегося только на кресте, перед последним предсмертным вздохом! Христос проповедует нам Бога Любви и Всепрощения и отношение наше к Нему выражает в двух словах: *«Люби Бога!»*

Какая же громадная разница в ветхозаветных и новозаветных понятиях о Боге! Там страх, здесь любовь! Там надо было воздерживаться от грехов из-за страха жестокой казни от мстительного и грозного Судьи; здесь же — из-за желанья исполнить волю Доброго, Любящего Отца, Которого сам любишь всем сердцем своим, всей душой своей!

Но все это тайны, открыть которые своими силами не мог ни один человек, как бы гениален он ни был. Поэтому, чтобы поверить этим словам, надо ознакомиться с личностью, говорившей их; надо узнать: Кто такой был Иисус? Можно ли считать Его только Человеком? И если Он не только Человек, то Кто же Он?

Для того, чтобы прямо подойти к разрешению этого вопроса, надо прежде всего узнать: действительно ли Христос воскрес? Выше было уже доказано, что Он воистину

воскрес. А если Он воскрес, если собственной властью воскрешал умерших и совершал заочные исцеления умиравших, если слову Его повиновались бури и волны морские, то следует признать, что Он обладал сверхъестественной силой, был вне законов природы, господствовал над ними, а не подчинялся им, и потому не мог быть только Человеком.

Если, к тому же, вся жизнь Его доказывает, что Он был безгрешен; если заклятые враги Его, книжники и фарисеи, вынуждены были молчать, когда Он всенародно спросил их: *«Кто из вас обличит Меня в неправде?»* — то, значит, Он не мог говорить неправду. Признавая, таким образом, что Иисус Христос не мог сознательно говорить неправду, мы должны признать, что Он не мог и заблуждаться, так как заблуждение есть следствие легкомысленного отношения к исследованию истины, легкомыслие же не свойственно Ему.

А если Он не мог сознательно говорить неправду, не мог и заблуждаться, то как и от кого Он мог узнать все то, о чем говорил?

Тайны, которые Христос поведал миру, не могли быть известны Ему, как Человеку. Объявляя их, как волю Отца Своего, то есть Бога, пославшего Его в мир, Он говорил: *«Пославший Меня есть истинен, и что Я слышал от Него, то и говорю миру»* (Ин. 8: 26); а в прощальной беседе с апостолами сказал: *«Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне... верьте Мне по самым делам»*, которые Я совершил (Ин. 14: 11).

Итак, Иисус говорил, что все, чему учил Он, поведал Ему Сам Бог, и что как Он в Боге, так и Бог в Нем.

Иисусу Христу, как Свидетелю истины, можно или вполне верить, или совсем не верить; середины быть не может. Но так как безусловно правдивого во всем, безгрешного и всемогущего, воскресшего и вознесшегося Иисуса нельзя считать недостоверным свидетелем, нельзя считать только Человеком, то остается один только исход: верить Ему безусловно во всем, хотя бы кое-что и было недоступно ограниченному уму человеческому*.

---

* Подробное исследование всего, что имеет отношение к Личности Господа нашего Иисуса Христа, см. в конце книги (Толкование Евангелия), в главе «Что вы думаете о Христе?»